По поводу предстоящей реформы нашего судоустройства.

§ 1.

I. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года образовали 5 судилищъ, между которыми была распредѣлена вся обыкновенная гражданская и уголовная юрисдикція. Этими судами *первой степени* являлись: мировыя (мѣстныя) учрежденія, окружной судъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, тотъ же судъ съ участіемъ присяжныхъ, судебная палата съ сословными представителями и верховный уголовный судъ. Не считая послѣдняго, который долженъ былъ созываться рѣдко, при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, по особому высочайшему указу, оставалось 4 вида судебныхъ установленій I-й степени. Изъ нихъ судебная палата съ сословными представителями являлась судомъ особеннымъ и вѣдавшимъ преступленія государственныя. Принимая во вниманіе, что отправленіе уголовнаго правосудія при посредствѣ присяжныхъ пріурочивалось къ окружному суду, который былъ первою инстанціей въ системѣ общихъ судовъ, вся судебная организація сводилась въ сущности къ двумъ типамъ суда: 1) *мѣстныхъ* (мировыхъ) учрежденій, въ которыхъ первою инстанціей былъ единоличный мировой судья, а коллегіальное учрежденіе—мировой съѣздъ, являлось инстанціей по преимуществу аппеляціонною, изрѣдка же и кассаціонною; 2) *общихъ*, которыми были, въ качествѣ первой инстанціи, суды окружные, вѣдавшіе гражданскія дѣла, изъятыя изъ компетенціи мировыхъ установленій, и тѣ изъ дѣлъ уголовныхъ, которыя не были поручены законодателемъ ни мировымъ учрежденіямъ, ни вѣдомству окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей; послѣдній судилъ важнѣйшія преступленія, грозившія обвиняемому лишеніемъ всѣхъ правъ, всѣхъ особенныхъ или лишь нѣкоторыхъ правъ состоянія. Второю же (аппеляціонною) инстанціей была судебная палата по всѣмъ гражданскимъ дѣламъ, разсматривавшимся въ окружныхъ судахъ, а изъ уголовныхъ—по тѣмъ, которыя вѣдались окружными судами безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Организовавъ два самостоятельные типа судовъ, дѣйствовавшихъ параллельно,

по аналогіи съ судоустройствомъ Англіи, гдѣ на-ряду съ судами, имѣющимися въ графствахъ,—существуютъ и такъ называемые вестминстерскіе суды, наше законодательство озаботилось установленіемъ связи между ними. Оно объединило ихъ, что касается отправленія ими правосудія по отдѣльнымъ дѣламъ, въ формѣ единаго верховнаго кассаціоннаго суда, два департамента котораго (гражданскій и уголовный) призваны были къ осуществленію высокой задачи—охраненія правильнаго истолкованія и единообразнаго примѣненія гражданскихъ и уголовныхъ законовъ какъ общими, такъ и мировыми судебными установленіями.

II. Распредѣленіе гражданской юрисдикціи между мировыми и общими судебными учрежденіями зиждилось *на цѣнѣ риска и на родѣ дѣлъ*, въ основаніе же распредѣленія между ними дѣлъ уголовныхъ положена, главнымъ образомъ, *тяжесть наказанія*, установленнаго въ Уложеніи и въ Уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями за различныя преступныя дѣянія, а въ видѣ исключенія и *родъ* (характеръ) уголовнаго правонарушенія. Распредѣленіе подвѣдомственности судамъ общимъ и мировымъ, разсматриваемое въ цѣломъ, было довольно правильно и не представляло особыхъ затрудненій на практикѣ. Чаще всего недоразумѣнія возникали при разграниченіи уголовной юрисдикціи судовъ мировыхъ и окружныхъ, когда послѣдніе дѣйствовали безъ участія присяжныхъ (ст. 33, 34 и 200 Уст. угол. суд.). Намъ кажется, что при установленіи этихъ разграниченій законодательство, въ особенности же новеллы, послѣдовавшія за Судебными Уставами, поддавались вліянію двухъ теченій. Первое изъ нихъ стремилось къ ограниченію компетенціи общихъ судовъ, не исключая и суда присяжныхъ. Кромѣ условій политическаго характера, сопровождавшихся различными внутренними осложненіями, это стремленіе имѣло точку опоры и въ началахъ, выдвигавшихся въ доктринѣ и подтверждавшихся указаніями повседневнаго опыта. Однимъ изъ важныхъ свойствъ хорошей судебной организаціи является наибольшее приближеніе суда къ населенію; относительно же суда присяжныхъ все болѣе встрѣчало сочувствіе воззрѣніе, требовавшее пріуроченія этого сложнаго и своеобразнаго судебнаго механизма по преимуществу къ разсмотрѣнію тѣхъ преступныхъ дѣяній, которыя по ихъ роду и характеру наиболѣе подходятъ къ особенностямъ и качествамъ, вносимымъ въ отправленіе правосудія народнымъ элементомъ. Такъ, майскій законъ 1882 г., изъявшій многія дѣла о кражахъ со взломомъ изъ вѣдѣнія присяжныхъ и передавшій ихъ въ мировые суды, съ представленіемъ имъ права назначать за такія кражи тюрьму до $1^1/_2$ года, преслѣдовалъ одновременно нѣсколько цѣлей: 1) приблизить судъ къ населенію по многимъ повседневнымъ дѣламъ, 2) ускорить производство по нимъ, такъ какъ въ мировыхъ учрежденіяхъ эти дѣла рѣшались бы быстрѣе, нежели въ довольно рѣдкихъ уѣздныхъ сессіяхъ окружнаго суда, 3) освободить присяжный судъ отъ множества заурядднѣйшихъ дѣлъ, для сужденія которыхъ не представлялось особенной надобности въ пользованіи драгоцѣнными особенностями и свойствами на-

роднаго элемента въ судѣ: законодатель видимо склонился къ той точкѣ зрѣнія, что разныя формы суда, которымъ соотвѣтствуютъ и различія въ строѣ судопроизводства, находятъ себѣ оправданіе и должны быть согласуемы не столько съ тяжестью наказанія, сколько съ существомъ преступнаго дѣянія, съ его характерными свойствами, нерѣдко отражающимися на качествахъ и на видахъ доказательствъ по дѣлу. Въ разсматриваемомъ теченіи проявлялось несомнѣнно и *довѣріе законодателя къ мировымъ учрежденіямъ*, которое нисколько не ослаблялось вторымъ теченіемъ, параллельнымъ первому, которое исходило изъ вѣрнаго соображенія о томъ, что *мировому суду*, хотя и составленному изъ выборныхъ лицъ, знакомыхъ съ мѣстными условіями, обычаями и правами и пользующихся довѣріемъ общества, но отправляемому не юристами, *нельзя поручать нѣкоторыя дѣла* гражданскія и даже кое-какія изъ тѣхъ уголовныхъ правонарушеній, наказанія за которыя далеко не выходятъ изъ предѣловъ каръ, налагаемыхъ мировыми судьями, если только самыя дѣла обладаютъ нѣкоторыми особыми свойствами (наприм., споры о правѣ собственности на недвижимыя имущества), или влекутъ за собою, въ случаѣ осужденія, какія-либо спеціальныя, тяжелыя послѣдствія для осужденнаго (наприм., воспрещеніе виновному производить торговлю или промыселъ; см. п. 1, ст. 34, Уст. угол. суд.). Во всякомъ случаѣ, разсматриваемыя теченія, отразившись на законодательствѣ, привели къ нѣкоторой казуистичности, а слѣдовательно, къ затрудненіямъ при опредѣленіи подвѣдомственности (особенно дѣлъ уголовныхъ). Но большинство возникавшихъ недоразумѣній были выяснены практикою кассаціоннаго сената, который создалъ цѣлую систему руководящихъ правилъ, содѣйствовавшихъ благополучному устраненію возникавшихъ затрудненій. Такъ, наприм., сенатъ съ послѣдовательностью проводилъ правило о томъ, что «подсудность по роду преступленій опредѣляется *первоначальнымъ* обвиненіемъ», вызвавшимъ судебное преслѣдованіе, т.-е. «внѣшними признаками преступленія, которые обнаружились въ производствѣ до поступленія дѣла въ судъ», а всякое обстоятельство, устраняющее подвѣдомственность дѣла мировому судьѣ, если о немъ заявлено *до* первоначальнаго разбирательства, *обязываетъ судью*, «не входя въ обсужденіе дѣла и въ оцѣнку заявленія, дать дѣлу законное направленіе». Слѣдуя же за теченіемъ, благопріятствовавшимъ расширенію юрисдикціи мировыхъ учрежденій, сенатъ въ новѣйшихъ рѣшеніяхъ (80-хъ годовъ) явно склонялся къ распространительному истолкованію закона (ст. 33 Уст. уголов.) о подвѣдомственности уголовныхъ дѣлъ мировымъ судьямъ и къ соотвѣтствующему ограничительному толкованію изъятій (ст. 34 того же Устава), намѣченныхъ законодалемъ. Такъ, наприм., въ новѣйшихъ рѣшеніяхъ (1886 г., № 2) сенатъ призналъ подвѣдомственность мировымъ учрежденіямъ дѣлъ, обвиненіе по которымъ влечетъ за собою высылку виновнаго изъ мѣста жительства.

Другая причина затрудненій въ опредѣленіи подвѣдомственности заключалась въ томъ, что масса сельскихъ обывателей получила свой особый судъ—

волостной. Это—числомъ *шестое* для крестьянъ—судилище получило право, по закону 19 февраля 1861 года, примѣнять къ крестьянамъ карательныя постановленія сельско-судебнаго устава 1839 г., изданнаго для государственныхъ крестьянъ (см. ст. 101 и 102 Общ. Пол. о крест.). Къ сожалѣнію, не всѣ дѣянія, облагавшіяся карами, перечисленными въ «Положеніи» (выговоры и замѣчанія, денежные штрафы, арестъ и розги), были опредѣлены въ этомъ законоположеніи съ достаточною ясностью и точностью, оставляли желать лучшаго, и правила, опредѣлявшія кругъ лицъ, подчиненныхъ волостному суду и условія подвѣдомственности ему. Сказанное, въ связи съ невѣжественностью волостныхъ судей, достаточно объясняетъ происхожденіе нерѣдкихъ, особливо на первыхъ порахъ, недоразумѣній насчетъ подвѣдомственности дѣла волостному или мировому суду.

Въ послѣднемъ же, вообще говоря, замѣчалась наклонность къ расширенію предѣловъ своего вѣдомства за счетъ суда волостного. Такое явленіе имѣло свое объясненіе въ исключительности волостного суда, неудовлетворительно устроеннаго, и въ частыхъ злоупотребленіяхъ этого суда, находившагося нерѣдко подъ вліяніемъ писаря. Благодаря этимъ условіямъ, такъ называемая «добровольная» подвѣдомственность этому суду, т.-е. обращеніе къ нему истца или обвинителя, ему неподчиненныхъ (наприм., помѣщиковъ-дворянъ), представлялась явленіемъ довольно рѣдкимъ и часто весьма нежелательнымъ, такъ какъ оно знаменовало собою обращеніе лица сильнаго и вліятельнаго въ округѣ къ судьямъ, прямо или косвенно отъ него зависѣвшимъ, на пристрастіе и угодливое рѣшеніе которыхъ въ данномъ случаѣ завѣдомо разсчитывало лицо, добровольно воззвавшее къ этому суду. Вообще же замѣчалось (особенно въ первое время по введеніи мировыхъ установленій) сильное и довольно распространенное стремленіе избѣгать обращенія къ волостному суду со стороны лицъ, по закону ему подвѣдомственныхъ, и направлять свои иски и обвиненія къ мировымъ судьямъ, пользовавшимся неизмѣримо бо̀льшимъ довѣріемъ сельскаго населенія. Послѣднее измышляло всякіе поводы (наприм., намѣренное увеличеніе цѣны иска) къ тому, чтобы судиться у «мирового». Но если сама жизнь наносила удары суду худшему, стремясь къ замѣнѣ его лучшимъ, т.-е. мировымъ судомъ, то понятно, почему на такой призывъ населенія откликнулись и многіе мировые судьи. Указанныя обстоятельства, вызвавшія смѣшеніе и столкновеніе компетенцій обоихъ судовъ, создали необходимость въ выясненіи достаточно точныхъ руководящихъ началъ для размежеванія вѣдомства тѣхъ и другихъ судовъ. И здѣсь правительствующій сенатъ, разрѣшая задачу, далъ цѣлый рядъ рѣшеній, въ основу которыхъ заложено руководящее правило, формулируемое такъ: «волостной судъ и примѣняемый имъ сельско-судебный уставъ», какъ изъятія изъ общаго порядка судопроизводства, «не могутъ примѣняться распространительно», а самыя наказанія по сельско-судебному уставу налагаются «исключительно волостными и станичными судами», а не общими и мировыми судебными установленіями (напримѣръ, рѣшеніе 1874 г., № 628). Сенатъ далъ также

рядъ указаній для опредѣленія того, *какія лица* и *при какихъ условіяхъ* подлежатъ вѣдѣнію волостного суда съ примѣненіемъ къ нимъ карательныхъ постановленій сельско-судебнаго устава (см., наприм., рѣшенія 1870 г. № 1250, 1873 г. № 190, 1884 г. № 9). А законодательство тоже шло навстрѣчу такому ограничительному истолкованію. Такъ закономъ 18 марта 1880 г. изъяты отъ него и переданы мировымъ установленіямъ случаи кражи лошадей или рабочаго и домашняго скота. Систематически «урѣзывая» волостной судъ, сенатъ отступилъ даже по отношенію къ нему отъ своей обычной практики, разъяснивъ, что рѣшеніе дѣла, подвѣдомственнаго волостному суду, другимъ судомъ не влечетъ за собою отмѣны приговора, если заявленіе о подвѣдомственности дѣла волостному суду сдѣлано впервые въ кассаціонной жалобѣ (1871 г. № 9541).

Итакъ, Судебные Уставы 20 ноября 1865 г. создали двойственную систему судовъ, отличительными признаками которой являлись простота и нѣкоторая стройность, близость къ населенію мировыхъ учрежденій, призванныхъ къ разрѣшенію дѣлъ повседневнаго обихода, причемъ суды общіе и мѣстные объединялись въ одномъ кассаціонномъ судѣ; подвѣдомственность же судовъ опредѣлялась, вообще говоря, довольно точными признаками, а встрѣчавшіяся затрудненія благополучно разрѣшались руководящими правилами, преподанными кассаціоннымъ департаментомъ сената. Вырабатывая же правила судопроизводства (гражданскаго и уголовнаго), составители судебныхъ уставовъ выходили изъ вѣрнаго исходнаго начала, что судоустройство и судопроизводство «состоятъ въ такой тѣсной между собою связи, что невозможно постановить что-либо основательное объ одномъ, не имѣя въ виду другого», почему и система судоустройства должна вполнѣ зависѣть отъ главныхъ формъ, принятыхъ для судопроизводства «гражданскаго и уголовнаго», правильное же устройство судебныхъ мѣстъ столь же необходимо, какъ и хорошее судопроизводство, ибо безъ судоустройства и «самыя совершенныя формы судопроизводства оставались бы безъ всякаго исполненія, или же исполнялись бы несогласно съ существенною своею цѣлью» (Суд. уст., 2-е изд. государств. канцел., стр. VI—VII).

Правильное отношеніе, установленное составителями судебныхъ уставовъ между основными началами судоустройства гражданскаго и уголовнаго, тоже не мало содѣйствовало тому, что даже темная масса населенія скоро освоилась съ системою судебныхъ уставовъ, пріучилась находить надлежащій судъ и даже привыкла постепенно къ основнымъ правиламъ судопроизводства.

Правда, лица гражданскаго вѣдомства могли еще судиться и военнымъ судомъ (ст. 226 Уст. уголов.); иногда они подлежали юрисдикціи духовныхъ судовъ (ст. 1002 Уст. уголов.); лица торговаго класса, по дѣламъ коммерческаго свойства, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и люди не торговые по сдѣлкамъ свойства торговаго, вѣдались еще особыми торговыми судами. Но подвѣдомственность судамъ военнымъ всегда являлась исключительною,

поступала лишь въ силу особаго Высочайшаго указа, при объявленіи извѣстной мѣстности на военномъ положеніи; притомъ въ указѣ всегда точно исчислялись и тѣ преступныя дѣянія, которыя подвергали военному суду. Уголовной же юрисдикціи духовныхъ судовъ свѣтскія лица подвергались еще того рѣже, да и самыя кары, назначаемыя духовнымъ судомъ, не носили характера уголовныхъ наказаній. Наконецъ, вѣдомство коммерческихъ судовъ, существующихъ только въ немногихъ мѣстностяхъ, распространялось, въ качествѣ исключенія изъ общихъ правилъ судоустройства и судопроизводства, на весьма ограниченный кругъ лицъ и на совершенно спеціальные роды дѣлъ. А рѣшенія гражд. кассац., 4 департамента и I общаго собранія прав. сената систематически и довольно явственно проводили тенденцію къ ограничительному истолкованію подвѣдомственности коммерческимъ судамъ.

III. Если бы развитіе нашего законодательства пошло по пути естественнаго, здороваго роста, то оно привело бы, надо полагать, къ *упрощенію* системы судоустройства (и къ ослабленію излишняго формализма въ судопроизводствѣ гражданскомъ), т.-е. къ уничтоженію нѣкоторыхъ случайныхъ судилищъ, дальнѣйшее существованіе которыхъ, будучи вызвано преходящими условіями, представлялось излишнимъ и даже вреднымъ. Нѣкоторыя судилища исчезли бы безвозвратно, другія (напримѣръ, коммерческіе суды) поглотились бы нормальными, жизнеспособными судами (окружнымъ и мѣстнымъ). И вся задача законодателя заключалась бы въ томъ, чтобы выработать для этой упрощенной системы *единый, основной типъ суда съ широкою юрисдикціею*, который могъ бы найти примѣненіе и распространеніе во всей странѣ, съ незначительными лишь измѣненіями, вызванными особыми мѣстными условіями. Этотъ общераспространенный типъ суда, по возможности приближеннаго къ населенію, могъ послужить фундаментомъ для полнаго *объединенія* въ судебной организаціи взамѣнъ двойственной системы судопроизводства, введенной Судебными Уставами.

Громаднымъ недостаткомъ ея было отсутствіе прочной и постоянной связи между мѣстными и общими судами, не состоявшими между собою ни въ какихъ отношеніяхъ іерархической подчиненности. Мѣстные суды не подлежали никакому постоянному, правильному контролю и надзору со стороны ближайшихъ высшихъ общихъ судовъ: надзоръ кассаціоннаго департамента сената (ст. 64 и 249 Учр. суд. уст.). и министра юстиціи (ст. 254—256 Учрежд.) въ качествѣ генералъ-прокурора являлся для мировыхъ учрежденій слишкомъ отдаленнымъ и случайнымъ; мировые съѣзды имѣли «непосредственный надзоръ» за мировыми судьями ихъ округа (ст. 64 Учрежд.), причемъ первые совершенно не были подчинены судебнымъ палатамъ (п. 2 ст. 249 Учр.), члены которыхъ могли ревизовать мировыя учрежденія лишь по особому порученію министра юстиціи. Такія ревизіи производились рѣдко и не были періодическими. Это отсутствіе постояннаго и правильнаго надзора со стороны судебной палаты было однимъ изъ пороковъ мѣстнаго суда, который объединялся съ общими судебными учреж-

деніями лишь черезъ посредство кассаціоннаго суда (сената), являвшагося для судовъ обоихъ типовъ высшимъ органомъ единообразнаго примѣненія и правильнаго истолкованія закона. Къ сожалѣнію, многія внутреннія политическія осложненія и замѣшательства, сложившись въ концѣ 70-хъ годовъ и 80-хъ весьма неблагопріятно для намѣченнаго выше нормальнаго развитія нашего судоустройства, воспрепятствовали упрощенію, единообразію и объединенію судебной организаціи. Въ началѣ этого періода новыя теченія, не отразившись на судоустройствѣ и судопроизводствѣ для дѣлъ гражданскихъ, привели къ цѣлому ряду законоположеній, имѣвшихъ, по видимости, лишь «временный характеръ», именно—къ указамъ 8 августа 1878 года, 5 апрѣля 1879 г. и къ «Положенію о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка». (4 сентября 1881 г.).

Эти указы и законоположенія, изъявъ изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ нѣкоторыя важнѣйшія преступленія противъ должностныхъ лицъ, передаютъ ихъ на рѣшеніе «особаго присутствія правительствующаго сената съ участіемъ сословныхъ представителей», или же «военно-окружнымъ судамъ». Съ тѣхъ поръ «Положеніе 1881 г.» ежегодно возобновляется, а 7 іюля 1889 г. вышло законоположеніе, вошедшее въ ст. 201 Уст. уголов. суд., относящее весьма значительное количество дѣлъ, перечисленныхъ въ ней, къ вѣдомству «судебной палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей».

Съ изданіемъ этого закона, лица гражданскаго вѣдомства, исключивъ изъ счета духовный судъ, судились по *уголовнымъ дѣламъ въ 8 различныхъ судахъ* (первой степени): 1) въ верховномъ уголовномъ судѣ, 2) въ особомъ присутствіи сената (съ 4 сословными представителями), 3) въ судебной палатѣ съ сословными представителями (тоже въ числѣ 4), 4) въ той же палатѣ съ 3 сословными представителями, 5) въ окружномъ судѣ съ присяжными, 6) въ томъ же судѣ безъ присяжныхъ; 7) въ мировыхъ учрежденіяхъ и 8) въ военно-окружномъ судѣ. Для лицъ же крестьянскаго сословія еще—въ 9) въ судѣ волостномъ. Такое множество судовъ, не встрѣчающееся ни въ одномъ изъ современныхъ европейскихъ государствъ, нарушая необходимыя для судопроизводства простоту и единообразіе, влечетъ за собою не только запутанность въ подвѣдомственности, но иногда и значительное сближеніе, даже совпаденіе между собою разныхъ судилищъ по роду дѣлъ, подлежащихъ ихъ вѣдѣнію. Такъ, суды, перечисленные въ п. 1—3, принципіально ничѣмъ между собою не разграничены, вѣдаютъ одни и тѣ же дѣла: нормальный судъ для государственныхъ преступленій есть судебная палата съ сословными представителями, верховный же уголовный судъ и «особое присутствіе сената»—чрезвычайныя судилища для тѣхъ же дѣлъ, созываемыя лишь по Высочайшему указу; между послѣдними двумя судами нѣтъ ровно никакого отличія по существу. А военно-окружный судъ тоже можетъ вѣдать (и не разъ судилъ) преступныя дѣянія съ политическимъ характеромъ, напримѣръ,—

убійство должностныхъ лицъ, нападеніе на чиновъ полиціи и иныя серьезныя насилія надъ этими лицами, учиненныя виновными подъ вліяніемъ политическихъ мотивовъ и цѣлей.

§ 2.

I. Законодательство 12 іюля и 29 декабря 1889 г. представляется послѣднимъ по времени, по существу же самымъ рѣшительнымъ шагомъ на пути указаннаго въ § 1 неправильнаго развитія нашего судоустройства.

Давно уже правительствомъ было обращено вниманіе на положеніе административныхъ, земскихъ и судебныхъ учрежденій въ уѣздахъ и городахъ, представлявшееся, по мнѣнію руководящихъ сферъ, послѣдствіемъ земской и судебной реформъ 60-хъ годовъ, приведшихъ къ отсутствію въ уѣздахъ *сильной* и *единой* власти. Эта послѣдняя замѣнилась многообразіемъ учрежденій и властей, фактически безсильныхъ, недостаточно авторитетныхъ и ничѣмъ между собою не объединенныхъ. Власти судебныя и администрація, распредѣленныя между отдѣльными органами, дѣйствовали не только независимо и самостоятельно, но нерѣдко даже въ направленіяхъ совершенно противоположныхъ; онѣ перестали быть вѣтвями и органами единой государственной власти, а превратились въ какія-то разъединяющія силы, почти враждебныя другъ другу. Въ частности, власть судебная принадлежала въ уѣздахъ выборнымъ отъ земства мировымъ судьямъ, находящимся въ зависимости отъ борющихся партій и всякихъ мѣстныхъ вліяній, не всегда согласовавшихся съ потребностями правосудія нелицепріятнаго, для всѣхъ равнаго и одинаково доступнаго, а образованіе и степень подготовленности этихъ агентовъ мѣстной судебной власти оставляли желать лучшаго. Органъ избранія мировыхъ судей—земство, построенное на началахъ всесословности, фактически господствовало въ уѣздѣ. Наконецъ, многообразіе и разбросанность уѣздныхъ учрежденій, административныхъ и судебныхъ, ничѣмъ между собою не связанныхъ, подъ фиктивнымъ контролемъ со стороны губернской администраціи, лишенной всякой иниціативы, и отдаленнаго сената, вредили единству мѣстной судебно-административной дѣятельности, ея быстротѣ, а также исполнимости и незыблемости опредѣленій и рѣшеній, въ особенности судебныхъ. Самое же производство по множеству мелкихъ судебныхъ дѣлъ страдало медленностью и сложностью, къ явному ущербу для правосудія и пользы обывателей.

Въ высочайшемъ указѣ сенату, сопровождавшемъ законоположеніе 12 іюля 1889 г., изложенныя соображенія, несомнѣнно руководившія законодателемъ, вылились въ довольно уклончивой, обобщенной формулѣ: «Вниманіе верховной власти,—говорится въ указѣ,—обращено на затрудненія, представляющіяся правильному развитію благосостоянія въ средѣ сельскихъ жителей имперіи»; одною же изъ «главныхъ причинъ этого неблагопріятнаго явленія «является» отсутствіе *близкой* къ народу *твердой правительственной власти*, которая *соединяла бы* въ себѣ *попечительство надъ сельскими обывателями съ заботами* по завершенію крестьянскаго

дѣла и *съ обязанностями по охраненію благочинія, общественнаго порядка, безопасности и правъ частныхъ лицъ въ сельскихъ мѣстностяхъ»*; устраненіе же этого недостатка должно «поставить мѣстную власть въ подобающее ей и согласное съ пользами государства положеніе». Для осуществленія предначертанныхъ цѣлей и были изданы 12 іюля 1889 г.: 1) Положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ, 2) Правила объ устройствѣ судебной части въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено означенное Положеніе, 3) *Временныя* правила о волостномъ судѣ. Къ этимъ законоположеніямъ прибавлены (29 декабря 1889 г.) 4) «Правила о производствѣ судебныхъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ земскимъ начальникамъ и городскимъ судьямъ», имѣвшія въ виду *упростить* судопроизводство, дѣйствовавшее до настоящаго времени въ мировыхъ учрежденіяхъ.

Вникая въ приведенныя слова указа, усматриваемъ, что законодатель видѣлъ *главную причину* мѣстныхъ неурядицъ въ *отсутствіи или въ недостаткѣ сильной и правомочной административной власти въ уѣздахъ*; а это положеніе указывало и на *главную цѣль реформы—усиленіе и объединеніе административной власти*, облекаемой значительными полномочіями для охраненія *порядка, безопасности* и, въ особенности, для осуществленія *попечительства* надъ *сельскими* обывателями. Что такова именно была основная цѣль реформы, доказывается и цѣлымъ рядомъ воспослѣдовавшихъ съ 1890 г. частныхъ узаконеній и министерскихъ циркуляровъ, которые стремились больше всего къ расширенію и упорядоченію административныхъ функцій земскихъ начальниковъ. На нихъ постепенно возложены были функціи надзора, ревизіи и руководительства въ экономической сферѣ сельскаго обихода, наприм., надзоръ за хлѣбными магазинами, за своевременною засыпкою и перемѣною въ нихъ хлѣбныхъ запасовъ, наблюденіе за состояніемъ урожая и, вообще, продовольственнаго дѣла, за симптомами хозяйственнаго благосостоянія сельскихъ обывателей, надзоръ за упорядоченіемъ переселеній, руководство мѣрами противъ стихійныхъ бѣдствій, наприм., отъ пожаровъ, наблюденіе за исправнымъ отправленіемъ повинностей (наприм., дорожной), за нравственнымъ, наконецъ, благосостояніемъ обывателей и т. д. Изъ изложеннаго, равно какъ изъ текста высочайшаго указа, явствуетъ, что *судебная сторона реформы—отнюдь не стояла на первомъ планѣ*, а являлась скорѣе добавочною ея частью. Это оправдывается тѣмъ, что крестьянскія учрежденія, созданныя законодательствомъ 19 февраля 1861 г. и 70-хъ годовъ (уѣздныя и губернскія крестьянскія присутствія), представлялись, въ глазахъ правительства, совершенно непригодными. А что организація ихъ дѣйствительно была далека отъ совершенства и мало приспособлена для надзора за крестьянскимъ управленіемъ и для «попечительства надъ сельскими обывателями», что она была поставлена въ узкія рамки строго-формальной дѣятельности, явствуетъ изъ того, что «уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, замѣнившее собою съѣздъ мировыхъ посредниковъ, призванное къ ближайшему надзору и руководительству за судомъ и управленіемъ крестьянской

среды, состояло изъ лицъ самыхъ разнохарактерныхъ по своему служебному положенію (уѣздный предводитель дворянства, исправникъ, предсѣдатель земской управы, почетный мировой судья и непремѣнный членъ) и по способу назначенія; почти всѣ эти лица, неся другія главныя свои служебныя обязанности, были лишены возможности относиться серьезно къ дѣламъ сельскихъ обывателей. Уѣздное присутствіе дѣйствовало скорѣе въ качествѣ кассаціонной и изрѣдка ревизіонной инстанціи и не могло вникать въ существо судебныхъ дѣлъ, рѣшенныхъ въ волостномъ судѣ. Единственное въ немъ должностное лицо, призывавшееся исключительно для занятія дѣлами крестьянскаго управленія, именно непремѣнный членъ, избиралось губернскимъ земскимъ собраніемъ на 3 года, и, являясь *однимъ* на уѣздъ, было лишено *самостоятельной власти*, не могло дѣйствовать быстро, энергично, почему и не приносило, при всемъ желаніи, сколько-нибудь серьезной пользы. Такимъ образомъ, очевидно, что административный строй уѣзда требовалъ измѣненія, хотя, признавая это, мы нисколько не предрѣшаемъ самаго вопроса о *характерѣ* желательной реформы. Много иначе обстояло дѣло съ судебною частью. Здѣсь могъ возникнуть вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи волостного суда, безпорно далекаго отъ идеала хорошаго суда. Правительство же относилось къ нему съ нѣкоторымъ недовѣріемъ. Возможно было при надлежащемъ переустройствѣ его организаціи и процессуальныхъ правилъ сохранить его по гражданскимъ дѣламъ сельскихъ обывателей, для обсужденія и рѣшенія ихъ по обычному праву, столь своеобразному и различному въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Россіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ можно было бы поставить ребромъ вопросъ о дальнѣйшемъ бытіи этого суда по дѣламъ уголовнымъ, такъ какъ уголовное право и судопроизводство, проникнутыя идеей публичнаго интереса, началомъ государственности, требуютъ возможно большаго объединенія, при посредствѣ закона, карательныхъ постановленій, установленія ясности, точности въ запретахъ, нарушеніе которыхъ облагается наказаніями. Въ этой области должно быть по возможности менѣе произвола, условности и разнообразія, столь свойственныхъ обычаю. Послѣдній можетъ быть терпимъ въ уголовномъ правѣ (см. прил. къ ст. 168 Улож. о наказ.) лишь въ примѣненіи къ условіямъ низменной культуры дикихъ и полудикихъ инородцевъ Сибири и другихъ отдаленныхъ мѣстностей, но опять-таки съ исключеніями, да и то лишь до поры, до времени («пока нравы сихъ народовъ образованіемъ не смягчатся», какъ сказано въ законѣ). Большинство же проступковъ, каравшихся по сельско-судебному уставу волостными судами, являлись дѣяніями противными общему праву и предусмотренными въ Уст. о наказ., налаг. мировыми судьями. Во всякомъ случаѣ, реформированный волостной судъ—по преимуществу для дѣлъ гражданскихъ—отнюдь не долженъ былъ выходить по дѣламъ уголовнымъ изъ той компетенціи, которая была начертана ему въ Общ. Полож. о крестьянахъ; существовало даже мнѣніе, требовавшее подчиненія сельскихъ обывателей мировому суду по всѣмъ уголовнымъ дѣламъ, вѣдавшимся волостнымъ судомъ. Если, да-

лѣе, возникалъ вопросъ о мировыхъ судебныхъ установленіяхъ, наприм., о выборномъ началѣ при замѣщеніи мировыхъ судей, которое не одобрялось правительственными сферами, о необходимости юридическаго образованія для судей и т. п., то для реформы не представлялось никакой необходимости въ радикальной ломкѣ мѣстныхъ судебныхъ учрежденій и въ соединеніи судейскихъ функцій съ административными. Было бы совершенно достаточно замѣнить судей выборныхъ судьями по назначенію отъ короны, съ юридическимъ образованіемъ, и, пересмотрѣвъ Уст. угол. и гражд. судопроизводства, внести въ тотъ и другой разныя упрощенія и сокращенія. Къ сожалѣнію, новое законодательство пошло по совершенно другому пути.

III. Прежде всего, оно не только сохранило волостной судъ для дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ, но, подчинивъ еще его вѣдѣнію мѣщанъ, посадскихъ людей, ремесленниковъ и цеховыхъ, постоянно жительствующихъ въ деревнѣ, на все время ихъ пребыванія въ ней (п. VIII высочайше утвержд. мнѣніе госуд. совѣта), расширилъ до чрезвычайности его подвѣдомственность по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ. Отнынѣ этимъ судамъ подлежатъ споры и тяжбы между крестьянами о *недвижимомъ имуществѣ*, если оно входитъ въ составъ надѣла, безъ *ограниченія суммы* (п. I, ст. 15, Врем. прав. о вол. судѣ), тогда какъ прежде (ст. 96 Общ. пол. о крест.) всѣ дѣла ограничены цѣною до 100 руб., всѣ споры и тяжбы между лицами, подвѣдомственными волостному суду, до 300 руб., за исключеніемъ лишь исковъ о правѣ собственности или о правѣ на владѣніе недвижимостью, основанномъ на крѣпостныхъ или явочныхъ актахъ (п. 2, ст. 15), а также дѣла по наслѣдованію и раздѣламъ имущества, входящаго въ составъ крестьянскаго надѣла или составляющаго принадлежность его, *безъ ограниченія суммы*; относительно всѣхъ другихъ имуществъ, находящихся въ предѣлахъ волости, цѣною не свыше 500 р. (если, слѣдовательно, наслѣдственное имущество не крестьянское, то дѣла по наслѣдованію и раздѣлу его подсудны уѣздному члену окружнаго суда (п. 2, ст. 29, Прав. о судопр.). Не трудно убѣдиться, что компетенція этихъ судовъ совпадаетъ, по цѣнѣ иска, съ юрисдикціей земскихъ начальниковъ (п. 4, ст. 48 Положенія), въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ цѣнами исковъ, подвѣдомственныхъ уѣздному члену окружнаго суда (отъ 300 до 500 руб.), а иногда даже съ юрисдикціей окружныхъ судовъ (именно въ случаѣ, указанномъ въ 1 п., ст. 15 «Врем. прав.»). Но очевидно, что споры о недвижимомъ имуществѣ, а въ особенности о наслѣдованіи и раздѣлахъ имущества среди богатыхъ крестьянъ могутъ вращаться около тысячныхъ суммъ: вполнѣ возможны случаи, когда волостной судъ, состоящій изъ безграмотныхъ судей, подъ предсѣдательствомъ одного полуграмотнаго будетъ рѣшать споръ на сумму даже въ нѣсколько десятковъ тысячъ. Слѣдовательно, законъ отдаетъ серьезныя дѣла крестьянъ на обсужденіе и рѣшеніе менѣе совершеннаго суда, не довѣряя ихъ, когда сторонами являются лица другихъ сословій, не только суду земскаго начальника, но и уѣзд-

ному члену окружнаго суда, т.-е. просвѣщенному и опытному юристу, судьѣ независимому, рѣшенія котораго подчинены апелляціонной инстанціи, составленной изъ судей равнаго ему достоинства, и надзору сената въ качествѣ инстанціи кассаціонной. Что же касается до дѣлъ уголовныхъ, то Временныя Правила подчинили волостному суду проступки, предусмотрѣнные въ восьмидесяти трехъ (изъ 207) различныхъ статьяхъ Устава о наказ. нал. миров. судьями (ст. 17 Врем. Прав.), не исключая дѣлъ о кражахъ, мошенничествахъ, присвоеніяхъ и растратахъ имущества, подъ условіемъ, чтобы цѣна похищеннаго и присвоеннаго имущества не превышала 50 руб. и если притомъ кража или мошенничество учинены въ первый или во второй разъ. Установляются, правда, исключенія: такъ, вѣдомству этого суда не подлежатъ—кража лошади и крупнаго домашняго скота, утайка находки свыше 100 руб., если хозяинъ ея извѣстенъ и необъявленіе о находкѣ свыше 300 р. (ст. 19, Врем. Прав.). «Временныя Правила» не довольствуются, однако, такою широкою подвѣдомственностью: они подчиняютъ этому суду и случаи нарушенія рабочимъ договора найма, если онъ заключенъ *безъ договорнаго листа*, при посредствѣ недобросовѣстной, по полученіи задатка, неявки на работы, или самовольнаго ухода съ нея, безъ отработки забранныхъ впередъ денегъ, и, наконецъ, *мотовство* и *пьянство*, если эти пороки влекутъ за собою разстройство хозяйства (п. 6, ст 17). Карательная власть волостного суда тоже значительно увеличена сравнительно съ наказаніями по «Общему Положенію» о крестьянахъ: денежное взысканіе можетъ быть назначено даже до 30 руб., арестъ до 30 дней (притомъ даже *строгій*, т,-е. съ содержаніемъ на хлѣбѣ и на водѣ), наконецъ и розги, какъ и по Общему Положенію, до 20 ударовъ, но притомъ не только отдѣльно, но и *совмѣстно съ арестомъ до 15 дней*—за кражу, мошенничество, присвоеніе имущества и за покушеніе на эти проступки, *за мотовство и пьянство*, разстрачивающее хозяйство, въ особо важныхъ случаяхъ; притомъ за кражу, мошенничество и присвоеніе—арестъ, соединенный съ розгами, можетъ быть даже продолженъ до 30 дней (ст. 38 Временныхъ Правилъ).

Законодатель, расширяя столь непомѣрно подвѣдомственность волостного суда, понималъ, что это возможно только при упорядоченіи его, при улучшеніи состава судей и освобожденіи суда отъ разныхъ вредныхъ давленій и подпольныхъ вліяній. *Временныя Правила*, полагаясь на земскихъ начальниковъ, отдаютъ волостной судъ, его организацію и самыя рѣшенія подъ полную опеку этихъ административно-судебныхъ должностныхъ лицъ. Земскимъ начальникамъ предоставленъ не только надзоръ за волостными судами (ст. 13 *Временныхъ Правилъ*), но они получили и право вмѣшательства въ существо дѣлъ, вѣдаемыхъ волостнымъ судомъ. Такъ, они обязаны «возстановить подлежащую подсудность своею властью, по дѣламъ неправильно принятымъ волостнымъ судомъ къ своему производству и еще имъ не разрѣшенныхъ (ст. 20); если же судъ постановилъ уже рѣшеніе по дѣлу о проступкѣ, нарушающемъ предѣлы его власти или же *явно не-*

правосудное рѣшеніе, то земскій начальникъ останавливаетъ исполненіе рѣшенія и представляетъ оное уѣздному съѣзду, *хотя бы и не было въ виду жалобы участвующихъ въ дѣлѣ лицъ*. Законъ имѣетъ въ виду дать гарантію судящимся въ волостномъ судѣ, предписывая земскому начальнику вникать въ существо рѣшеннаго дѣла, безъ чего невозможно убѣдиться въ «явной неправосудности рѣшенія». Недовѣріе къ волостному суду вынудило законодателя предоставить тому же опекуну надъ благосостояніемъ и судомъ народа могущественное вліяніе на избраніе состава этого суда. По «Общему Положенію» судьи избирались на волостномъ сходѣ, утверждались уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, которое имѣло надъ выборами лишь кассаціонный надзоръ. Въ настоящее же время (ст. 2 *Временныхъ Правилъ*) сельскія общества избираютъ только *кандидатовъ* въ волостные судьи; на избраніе ихъ земскій начальникъ имѣетъ громадное и непосредственное вліяніе, и онъ же самъ назначаетъ 4-хъ изъ числа избранныхъ кандидатовъ судьями, получивъ право непосредственно своею властью штрафовать ихъ, подвергать аресту за служебныя провинности и даже «временно устранять отъ должности» (ст. 62 Положенія о земскихъ начальникахъ). Предсѣдателемъ волостного суда можетъ быть и волостной старшина (слѣдовательно, и здѣсь проведено начало соединенія въ одномъ лицѣ административныхъ и судебныхъ функцій), непосредствено подчиненный земскому начальнику, имѣющему надъ нимъ широкую дисциплинарную власть. При указанныхъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи о независимости и самостоятельности волостного суда, во всякое судебное рѣшеніе котораго земскій начальникъ можетъ и въ сущности даже *долженъ вникать*. Но если такъ, то не является ли такой судъ, какъ лишенный всякой самостоятельности, излишнимъ по затаенной мысли самого законодателя, который не рѣшался, однако, щадя традиціи, а равно изъ страха передъ значительнымъ обремененіемъ государственной казны или земскаго бюджета, совсѣмъ упразднить его и передать судебныя его функціи всецѣло земскимъ начальникамъ. Тѣмъ не менѣе, законодатель сохранилъ его и даже расширилъ его юрисдикцію, не требуя даже «грамотности» (ст. 3 *Временныхъ Правилъ*) отъ его судей, разсчитывая въ сущности не на самый волостной судъ, а на земскихъ начальниковъ. Но разсчетъ не могъ оправдаться. Земскіе начальники, отягощенные множествомъ административныхъ и самостоятельныхъ судебныхъ функцій, а также постоянными порученіями губернской администраціи, не могутъ, даже при всемъ желаніи, слѣдить за существомъ рѣшеній волостного суда. Ихъ надзоръ за этими рѣшеніями получаетъ совершенно случайный характеръ вмѣшательства въ «экстренныхъ» случаяхъ, дошедшихъ почему-либо до свѣдѣнія земскаго начальника. Чтобы земскій начальникъ могъ дѣйствительно осуществить намѣреніе законодателя, необходимо было бы утроить ихъ число въ уѣздахъ. Если же и встрѣчаются земскіе начальники, ревностно отправляющіе именно эти функціи, то они погрѣшаютъ противъ другихъ обязанностей, оказываются плохими судьями, нерадивыми или медлительными администра-

торами. Вотъ почему контроль ихъ надъ волостными судами и ихъ рѣшеніями, попрежнему, болѣе формальный, не рѣдко даже фиктивный. Опытъ же (напримѣръ, во многихъ уѣздахъ Курской и Полтавской губерній) указываетъ, что и въ настоящее время волостной судъ, въ цѣломъ, не лучше дореформеннаго. Злоупотребленія въ немъ нерѣдки, плохія рѣшенія—заурядныя явленія, вліяніе писаря (а теперь и старшины)—косвенное, но весьма могущественное.

Коммиссія, призванная къ реформѣ судебныхъ уставовъ, не будетъ, какъ извѣстно, касаться волостного суда. Очень жаль! Но она можетъ *косвенно* содѣйствовать упорядоченію правосудія, изъявъ, при распредѣленіи дѣлъ между судами разныхъ типовъ, изъ вѣдомства волостного суда все то, что такъ случайно и со вредомъ для интересовъ населенія отошло въ его вѣдѣніе. Надлежало бы возвратиться къ той его подвѣдомственности, которая существовала въ «Общемъ Положеніи о крестьянахъ», *сокративъ* карательную власть волостного суда, съ отмѣною (въ особомъ законодательномъ порядкѣ) тѣлеснаго наказанія.

IV. Основное начало реформы 12 іюля 1889 года есть *объединеніе въ уѣздѣ суда и администраціи*, котораго думали достигнуть двумя путями: 1) введеніемъ *общихъ* учрежденій судебно-административнаго характера (уѣздный съѣздъ и губернское присутствіе) и 2) совмѣщеніемъ на низшей ступени судебно-административной іерархіи функцій администраціи и суда въ одномъ лицѣ (земскаго начальника). Новый порядокъ нанесъ смертельный ударъ «основнымъ положеніямъ» судебныхъ уставовъ: ст. 1 «Общихъ правилъ» гласила, что «власть судебная *отдѣляется* отъ исполнительной *административной и законодательной* (см. также ст. 1, 2, 9 и 10 Уст. гражд. и ст. 1—5, 12 и 13 Уст. угол. суд.). Устраняя всякое вмѣшательство административной власти въ область суда, составители Судебныхъ Уставовъ ссылались и на исторію нашего судоустройства, изъ которой явствовало, что освобожденіе судебныхъ мѣстъ отъ такого вмѣшательства имѣлось въ виду еще при учрежденіи министерствъ, а равно и въ указѣ 1837 г. (изд. госуд. канц. ч. 3, стр. 9). Дальнѣйшая особенность реформы проявляется въ томъ, что мѣстный судъ состоитъ уже не изъ судей, опредѣляемыхъ къ должностямъ всесословными выборами, а изъ лицъ, *назначаемыхъ* центральною правительственною властью, именно: министерствомъ *внутреннихъ* дѣлъ, а не юстиціи. Это послѣднее не имѣетъ *никакого* участія и голоса въ назначеніи земскихъ начальниковъ, которые, замѣнивъ мировыхъ судей, призваны творить судъ. Такимъ образомъ, вѣдомство, имѣющее своею задачею охранять интересы правосудія въ странѣ, устранено отъ всякаго участія въ этой охранѣ относительно назначенія лицъ, являющихся все же судебными органами. Явное предпочтеніе, отданное законодателемъ министерству внутреннихъ дѣлъ, подтверждаетъ высказанное уже нами мнѣніе о томъ, что главною цѣлью при проведеніи реформы 12 іюля 1889 года являлось осуществленіе задачъ административныхъ, созданіе на мѣстѣ сильной власти, опекающей сельское населеніе и поддерживающей порядокъ въ

уѣздѣ. Новые судьи назначаются лишь изъ потомственныхъ дворянъ, т.-е. изъ сословія, призваннаго къ руководству мѣстною жизнью. Такимъ образомъ земскіе начальники, наравнѣ съ бывшими мировыми посредниками и непремѣнными членами, призваны къ опекѣ административной надъ крестьянами, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ однимъ вручается судебная власть на мѣстѣ, притомъ надъ всѣми сословіями. Такой узко-сословный, односторонне составленный судъ представляется намъ худшимъ не только по сравненію съ судомъ мировымъ, въ которомъ дворянство преобладало фактически, но гдѣ могли принимать участіе и *лучшіе люди другихъ сословій*, но даже сравнительно съ судами дореформенными.

По своду законовъ мѣстные (уѣздные) суды, въ которыхъ сосредоточивалось значительное число судебныхъ дѣлъ, состояли изъ представителей *всѣхъ сословій, не исключая и сельскаго* (послѣдніе призывались къ участію во всѣхъ дѣлахъ ихъ сословія),—слѣдовательно, каждое сословіе, хотя, повидимости, судилось своими членами (изд. госуд. канц., 3 ч., стр. 8). И если составители судебныхъ уставовъ, порицая сословные суды, справедливо упрекали ихъ въ томъ, что они «трудно подчиняются контролю, дѣйствуютъ нерѣдко *произвольно*, разнообразно и *весьма часто въ интересахъ своего сословія*», почему они «не могли имѣть ни единства въ дѣйствіяхъ, *ни безпристрастія*» (ibidem, стр. 17), то существеннѣйшіе изъ этихъ пороковъ сословнаго суда: произволъ и отсутствіе безпристрастія,—могутъ быть присущи въ еще большей степени земскимъ начальникамъ по той простой причинѣ, что въ дореформенномъ уѣздномъ судѣ сельскіе обыватели имѣли голосъ при рѣшеніи дѣлъ о лицахъ ихъ сословія, хотя бы даже фактически ихъ вліяніе, какъ неграмотныхъ или малограмотныхъ, и было слабо, тогда какъ въ настоящее время они не имѣютъ уже никакого голоса въ судѣ, производимомъ исключительно лицами главенствующаго сословія. Земскіе начальники, вооруженные еще громадною административною властью надъ тѣмъ же сельскимъ обывателемъ, продолжая, въ то же время, быть, *по общему правилу*, мѣстными жителями и землевладѣльцами, имѣющими свои спеціальные интересы, далеко не всегда согласующіеся съ интересами сельскаго населенія, свои сословныя и личныя предубѣжденія. При такихъ условіяхъ они могутъ вносить въ судъ нѣкоторый произволъ и пристрастіе, когда дѣло идетъ о судѣ по дѣлу, въ которомъ одна изъ сторонъ принадлежитъ къ дворянскому или вообще къ привиллегированному сословію. Нерѣдкіе случаи этого рода, хотя и попадали въ печать (до недавняго времени) весьма рѣдко, сдѣлались достаточно извѣстными.

Съ своей стороны, будучи знакомы съ отправленіемъ правосудія многими земскими начальниками разныхъ губерній и уѣздовъ, мы *рѣшительно утверждаемъ*, что могли бы привести дѣла, въ которыхъ эти судьи-администраторы оказывались «лицепріятными» въ пользу помѣщиковъ и другихъ лицъ привиллегированныхъ сословій: вполнѣ *равное* отношеніе къ сторонамъ (особенно по гражданскимъ дѣламъ; въ частности по возстановленію нарушеннаго владѣнія и по нарушенію рабочими договоровъ

о наймѣ въ сельскія работы) — далеко не обычное явленіе въ судѣ земскаго начальника. Не пользуясь, уже въ качествѣ администраторовъ, несмѣняемостью, земскіе начальники, удаляемые окончательно отъ должности совѣтомъ министра внутреннихъ дѣлъ (съ утвержденія министра), состоятъ подъ очень сложнымъ контролемъ. Во-первыхъ, подъ надзоромъ уѣзднаго предводителя дворянства (ст. 101 «Положенія»), контроль котораго de facto чаще всего фиктивный или весьма поверхностный, долженъ, однако, распространяться и на всю ширину *судебной дѣятельности* земскаго начальника. Между тѣмъ, уѣздные предводители, нерѣдко лица почтенныя и для уѣзда полезныя, лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ способны, еслибы даже у нихъ имѣлось на это время и желаніе, производить судебныя ревизіи земскихъ начальниковъ: у подобныхъ предводителей далеко не всегда имѣются надлежащія образованіе и знаніе по судебной части, безъ которыхъ контроль—пустой звукъ. Нерѣдко они и *зависимы* отъ земскихъ начальниковъ, которые, участвуя въ дворянскихъ выборахъ, могутъ непосредственно вліять (и нерѣдко вліяли) на судьбу дальнѣйшаго служенія предводителя въ этомъ званіи. Выходитъ, что *законодатель, не довѣряя мировымъ судьямъ,* избраніе и самая судебная дѣятельность которыхъ стояли, какъ нерѣдко утверждали, въ зависимости отъ партій и угодничества судей предъ вліятельными, но не всегда доброкачественными элементами уѣзднаго населенія, *поручилъ,* однако, контроль надъ *судьями-администраторами лицу, косвенно отъ нихъ зависимому.* Но мировой судья, если былъ непригоденъ, могъ быть смѣненъ даже черезъ 3 года, составъ же земскихъ собраній тоже постоянно обновлялся, а слѣдовательно далеко не всегда одни и тѣ же элементы уѣзда могли оказывать рѣшающее вліяніе на выборъ судей. «Положеніе» же о земскихъ начальникахъ назначаетъ ихъ безсрочно, почему, сохранивъ за ними полную возможность изгонять чрезъ посредство дворянскихъ выборовъ имъ непріятнаго, строго ревизующаго ихъ предводителя, угрожаетъ имъ *de facto* отставкой лишь въ случаѣ явныхъ злоупотребленій или совершенной неспособности къ этой службѣ (ст. 139 «Положенія»), если, конечно, земскій начальникъ умѣетъ ладить съ губернскимъ начальствомъ или сидѣть тихо на мѣстѣ «безъ шумнаго проявленія себя въ дѣлахъ и безъ чрезмѣрной ревности». Что же касается до уѣзднаго съѣзда, то онъ является органомъ контроля надъ *судебною* стороной дѣятельности земскихъ начальниковъ лишь въ смыслѣ апелляціоннаго перерѣшенія и изрѣдка кассаціоннаго пересмотра *отдѣльныхъ* дѣлъ, разбиравшихся у земскихъ начальниковъ и перешедшихъ въ съѣздъ по жалобамъ сторонъ, а иногда (по нѣкоторымъ дѣламъ волостного суда) по жалобамъ, предварительно пропущеннымъ чрезъ цензуру земскаго начальника. Судебное отдѣленіе уѣзднаго съѣзда, заключая въ себѣ уѣзднаго члена окружнаго суда и городского судью и независимыхъ почетныхъ мировыхъ судей, могло бы, *при извѣстныхъ условіяхъ*, отправлять съ нѣкоторымъ успѣхомъ и функціи *общаго надзора* за судебною дѣятельностью земскихъ начальниковъ, тѣмъ болѣе, что при немъ (по дѣламъ уголовнымъ)

состоитъ товарищъ прокурора окружнаго суда, дающій свои «заключенія» и имѣющій также право присутствовать въ распорядительныхъ засѣданіяхъ съѣзда. Но прокурорскій надзоръ, чрезмѣрно обремененный обязанностями, нерѣдко по двумъ уѣздамъ, можетъ относиться къ дѣламъ съѣзда лишь «en passant», поверхностно, а самое положеніе его, какъ агента министерства юстиціи, среди чиновъ «иного духа, настроенія и вѣдомства другого», довольно щекотливо. Онъ можетъ лишь «сообщить» по начальству о явныхъ непорядкахъ и вопіющихъ приговорахъ, случайно обратившихъ на себя его вниманіе. Уѣздный членъ тоже несетъ не мало другихъ обязанностей, да и положеніе его въ съѣздѣ, какъ и прокурорскаго надзора, тоже не совсѣмъ нормально. Несомнѣнно, однако, что, выступая непремѣннымъ членомъ судебнаго отдѣла съѣзда и нерѣдко его предсѣдателемъ (при отсутствіи предводителя), это лицо наиболѣе приспособлено къ контролю надъ судебными рѣшеніями земскихъ начальниковъ и къ выясненію неурядицъ и возможныхъ злоупотребленій этихъ лицъ по судебной части. Вѣрно и то, что учрежденіе уѣзднаго члена, введенное въ съѣздъ, вообще говоря, въ полномъ несоотвѣтствіи съ духомъ и строемъ реформы 12 іюля 1889 г., принесло свою пользу. Оно сдерживаетъ нѣсколько административныя воззрѣнія и настроенія земскихъ начальниковъ, неизбѣжно вносимыя ими въ судебныя дѣла; оно же даетъ возможность проявиться фактическому вліянію въ съѣздѣ юриста, особенно усиливающемуся въ томъ случаѣ, когда уѣздный членъ выступаетъ и предсѣдателемъ присутствія. Иное положеніе въ съѣздѣ почетныхъ мировыхъ судей, вліяніе которыхъ въ большинствѣ случаевъ ничтожно: законъ 12 іюля 1889 г., сохраняя въ составѣ съѣзда избираемыхъ земскими собраніями почетныхъ мировыхъ судей, доказалъ тѣмъ самымъ, что выборный мировой институтъ былъ далеко не такъ плохъ, какъ о томъ возвѣщали его враги. Но, сдѣлавъ уступку судебнымъ уставамъ, законодатель все же соединилъ элементы, трудно сочетаемые по коренному ихъ различію: почетные мировые судьи — изъ среды общества, избираемые всѣми сословіями, независимые отъ администраціи, не несущіе никакихъ административныхъ функцій, а слѣдовательно и чуждые административнымъ пріемамъ. Они подчинены лишь сенату, несмѣняемы на все время ихъ избранія (3 года) и, наконецъ, обладаютъ среднимъ спеціальнымъ или общимъ образованіемъ. Совершенно естественно, что земскіе начальники, если почетные мировые судьи избраны неподходящіе къ ихъ желаніямъ и надеждамъ въ земскихъ собраніяхъ, въ которыхъ первые начинаютъ играть все болѣе замѣтную роль (въ нѣкоторыхъ уѣздахъ они фактически уже вполнѣ господствуютъ въ реформированномъ земствѣ), становятся къ избраннымъ во враждебное или «оборонительное» положеніе. А почетные судьи, чувствуя себя лишними элементами уѣзднаго съѣзда, пріуроченными къ нему искусственно, скорѣе только терпимыми, начали постепенно все болѣе уклоняться отъ участія въ его засѣданіяхъ. А такъ какъ они чаще всего въ меньшинствѣ голосовъ, то и не могутъ оказывать никакого существеннаго вліянія на отправленіе правосудія (не говоримъ

объ исключеніяхъ). Наконецъ, въ-третьихъ, надзоръ за судебною властью земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ и право ревизіи возложены на губернскія присутствія и на начальниковъ губерній (ст. 66, 102 и 113 «Положенія»). Но первое,—одно на всю губернію,—обременено дѣлами до nec plus ultra, состоитъ въ большинствѣ изъ не юристовъ, а изъ административныхъ чиновниковъ; всѣ судебныя дѣла докладываютъ въ нихъ 2 непремѣнные члена (нерѣдко—тоже не юристы), едва поспѣвающіе справиться съ текущимъ множествомъ дѣлъ. Они-то, по порученію губернскаго присутствія, и являются по преимуществу органами фактической ревизіи и надзора и за судебною частью земскихъ начальниковъ. Но послѣднихъ въ губерніи очень много, а судебныхъ дѣлъ у нихъ—еще того больше, хотя сравнительно лишь немногія восходятъ до губернскаго присутствія. При такихъ условіяхъ не только двумъ губернскимъ непремѣннымъ членамъ, но и всему составу послѣдняго невозможно имѣть надъ судомъ и рѣшеніями земскихъ начальниковъ *постояннаго, правильно организованнаго*, даже лишь *часто проявляющагося надзора*. Поэтому ревизіи и контроль губернскаго присутствія рѣдки, слишкомъ быстры и скорѣе формальнаго хахактера.

Законодатель, требуя и отъ земскихъ начальниковъ имущественнаго ценза (съ небольшими изъятіями), *не поставилъ непремѣннымъ условіемъ назначенія на эту должность достаточнаго* (средняго) *образованія кандидата*. Отъ мировыхъ судей требовалось (ст. 19 «Учр. суд. уст.») образованіе *не ниже средняго* (общаго или спеціальнаго), или же прослуженія, не менѣе 3 лѣтъ, въ должностяхъ, при исправленіи которыхъ кандидатъ «могъ пріобрѣсти практическія свѣдѣніи въ производствѣ судебныхъ дѣлъ». Тѣхъ же условій потребовало отъ земскихъ начальниковъ и законодательство 12 іюля 1889 г. (ст. 6, 7, 15 «Положенія»), отдавая притомъ *преимущество* лицамъ съ высшимъ образованіемъ въ томъ смыслѣ, что не только допускаетъ персоналъ съ среднимъ образованіемъ къ замѣщенію этихъ должностей лишь «при недостаткѣ лицъ съ образованіемъ высшимъ», но и понижаетъ для этихъ послѣднихъ имущественный цензъ *на половину* противъ ценза мировыхъ судей и даже до небольшого требованія «сохраненія въ предѣлахъ уѣзда одной усадьбы»; допущено даже (ст. 17 «Положенія») сохраненіе должности земскаго начальника и при полной утратѣ имущественнаго ценза (съ разрѣшенія министра). Такимъ образомъ, законодатель, требуя при наличности высшаго образованія отъ кандидата въ земскіе начальники лишь ничтожнаго имущественнаго ценза (въ доказательство осѣдлости и связи кандидата съ данною мѣстностью), сдѣлалъ большой шагъ впередъ сравнительно съ институтомъ мировыхъ судей, для котораго имущественный цензъ (въ уѣздѣ довольно высокій) являлся conditio sine qua non избранія, а это, какъ извѣстно, служило значительнымъ тормазомъ для избранія хорошихъ судей и составляло больное мѣсто учрежденія. Къ сожалѣнію, въ дополнительныхъ правилахъ (29 декабря 1889 г.) къ «Положенію» законодатель предоставилъ, хотя и «вре-

менно» (ст. 3), министерству внутреннихъ дѣлъ право, «за недостаткомъ *мѣстныхъ* потомственныхъ дворянъ», удовлетворяющихъ вышеизложенному условію по образованію, назначать въ земскіе начальники лицъ, *не получившихъ ни высшаго, ни средняго образованія*, если министръ считаетъ ихъ, «*по имѣющимся у него свѣдѣніямъ*», достойными для занятія этихъ должностей и «обладающими достаточными познаніями для исполненія возлагаемыхъ на нихъ обязанностей». А такъ какъ «недостатокъ» въ лицахъ сказался на первыхъ же порахъ и продолжается, какъ доподлинно извѣстно, и по сіе время, то не малое число «цивильныхъ лицъ», обладающихъ такъ называемымъ «домашнимъ» или низшимъ образованіемъ, а равно и отставные военные, не получившіе образованія въ среднихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, были назначаемы въ земскіе начальники, и нерѣдко въ мѣстности совершенно имъ неизвѣстныя. Само собою разумѣется, что этотъ персоналъ проявлялъ нерѣдко полное невѣжество въ судебной части (можно было бы привести судебныя рѣшенія совершенно анекдотическаго характера), обязанности же административныя отправлялъ всегда своеобразно и далеко не всегда съ пониманіемъ дѣла. Приключилась, во всякомъ случаѣ, неожиданность, не входившая въ цѣль законодателя: на мировыхъ судей сыпались упреки въ томъ, что многіе изъ нихъ невѣжественны, а большинство, во всякомъ случаѣ, недостаточно подготовлено къ судебной дѣятельности, которая, благодаря расширенію ихъ подвѣдомственности по уголовнымъ дѣламъ и разнымъ условіямъ жизни, а также и кассаціоннымъ указаніямъ сената, сдѣлалась слишкомъ сложна и трудна для непрофессіональнаго юриста. Но они всегда и всюду были, по крайней мѣрѣ, изъ числа лицъ *средняго образованія*, и всегда связаны съ мѣстностью, замѣнили же ихъ лицами, которыя могутъ не имѣть, а нерѣдко на самомъ дѣлѣ не имѣютъ даже средняго образованія.

V. Нельзя также сказать, чтобъ учрежденіе земскихъ начальниковъ *приблизило судъ къ населенію*. Понятіе о таковой близости слагается изъ двухъ факторовъ: 1) *территоріальнаго*, т.-е. образованія возможно большаго числа судебныхъ участковъ въ данной мѣстности, чтобы судья былъ недалеко отъ обывателей округа, и 2) изъ *возможнаго расширенія подвѣдомственности такихъ судей* (по роду дѣлъ и цѣнѣ иска), число которыхъ должно быть по возможности велико, пространство же ихъ участковъ возможно мало. Если, наприм., искъ цѣною до 500 руб. обыватель можетъ вчинить у судьи, живущаго неподалеку, то подвѣдомственность исковъ до этой солидной суммы ближайшему мѣстному судьѣ приближаетъ судъ къ населенію; но если тотъ же искъ гражданинъ долженъ предъявлять въ особомъ судѣ, находящемся въ уѣздномъ городѣ, который часто далеко отстоитъ отъ истца, то такая подвѣдомственность исковъ на эту сумму отдаляетъ населеніе отъ суда. По отношенію къ первому фактору Положеніе 12 іюля 1889 г. почти ни въ чемъ не измѣнило прежняго порядка, такъ какъ число участковъ земскихъ начальниковъ совпадаетъ съ числомъ бывшихъ мировыхъ, а если и превосходитъ послѣднее, то очень незначи-

тельно. Что же касается до второго фактора, то *реформа*, внѣ всякаго сомнѣнія, *удалила судъ отъ населенія*, т.-е. создала порядокъ *худшій* противъ прежняго. Это явствуетъ изъ правилъ о подвѣдомственности дѣлъ новымъ судебно-административнымъ учрежденіямъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что вѣдомство мировыхъ судей по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ во *многомъ* совпадаетъ съ вѣдомствомъ земскихъ начальниковъ (ст. 48, 49 и 50 Положенія и сравн. ихъ со ст. 29, 31 Уст. гражд. и 33—34 угол. суд.). Тѣмъ не менѣе, вѣдомство послѣднихъ *сужено*. Такъ, иски на сумму не свыше 500 руб. (подлежавшіе вѣдѣнію мировыхъ судей) подчинены земскимъ начальникамъ тогда лишь, когда они возникаютъ по найму земельныхъ угодій и находящихся при нихъ оброчныхъ и доходныхъ статей, по личному найму въ сельскія работы, въ сельско-хозяйственныя должности и въ услуженіе или, наконецъ, изъ потравъ и другихъ поврежденій полей, луговъ и иныхъ угодій; слѣдовательно, *нормальная* подвѣдомственность земскому начальнику—иски не свыше 300 руб. Земскій начальникъ *не вѣдаетъ* и исковъ о правѣ участія частнаго (наприм., о правѣ на проѣздъ по чужой дорогѣ, на водопой и т. п.). Всѣ эти дѣла, отошедшія отъ земскихъ начальниковъ, переданы въ вѣдѣніе уѣзднаго члена окружнаго суда, который одинъ на весь уѣздъ и долженъ жить въ городѣ. Что же касается до уголовной юрисдикціи, то земскіе начальники вѣдаютъ тѣ же дѣла, что и мировые судьи, за исключеніемъ кражъ со взломомъ (ст. 170[1] Уст. о нак.), за которыя можетъ быть назначено тюремное заключеніе до 1½ года (земскій же начальникъ не можетъ приговаривать къ тюрьмѣ свыше 1 года) и дѣлъ, по которымъ искъ о вознагражденіи за вредъ или убытки превышаетъ 300 руб.,—т.-е. юрисдикція земскихъ начальниковъ по уголовнымъ дѣламъ совпадаетъ съ тою, которую имѣли и мировые судьи до законоположенія 1882 года. Но многія причины (желаніе облегчить присяжныхъ и окружный судъ, а также приблизить судъ къ населенію) привели въ 1882 г. къ расширенію юрисдикціи мирового института. Казалось бы, что законодатель, довѣряя земскимъ начальникамъ и возлагая на нихъ большія надежды, заботясь, въ то же время, о приближеніи суда къ населенію, не долженъ былъ, суживая ихъ подвѣдомственность, тѣмъ самымъ отдалять судъ отъ населенія. Но онъ поступилъ непослѣдовательно, передавъ вышеперечисленныя дѣла въ вѣдѣніе уѣздныхъ членовъ (см. ст. 29 Правилъ объ устр. суд. части въ мѣстн., въ которыхъ введено Положеніе о земскихъ начальникахъ, и сравн. ихъ со ст. 29 и 31 Уст. гражд. и 33, 34 и 35 Уст. угол. и ст. 48—50 Положенія). Впрочемъ, такая непослѣдовательность принесла несомнѣнную пользу: судъ уѣзднаго члена болѣе удаленъ отъ большинства обывателей, но дѣла попадаютъ въ руки судей болѣе свѣдущихъ и опытныхъ, притомъ независимыхъ!

VI. Обращаясь къ другимъ судебнымъ органамъ, введеннымъ судебно-административною реформой, остановимся, прежде всего, на упомянутомъ уже учрежденіи уѣзднаго члена окружнаго суда (см. ст. 26—38 Прав. объ устр. суд. части и ст. 73, 75 и 77 Положенія) съ его крайне ограничен-

ною судебною юрисдикціей. Разсматриваемое учрежденіе кажется намъ все же лучшею стороной судебно-административной реформы. Высказывая столь рѣшительное сужденіе, мы опираемся на слѣдующихъ соображеніяхъ: 1) уѣздный членъ—агентъ исключительно судебный, судья *несмѣняемый, юристъ* и съ достаточнымъ опытомъ, *независимый* отъ уѣздной и губернской администраціи, можетъ внести въ отправленіе правосудія въ уѣздѣ направленіе и добрыя привычки суда для всѣхъ равнаго и нелицепріятнаго; 2) онъ не связанъ съ данною мѣстностью тѣми интересами, которые связываютъ съ нею мировыхъ судей и особенно земскихъ начальниковъ; поэтому, уѣзднаго члена труднѣе подчинить мѣстнымъ вліяніямъ и давленію партій; 3) министерство юстиціи имѣетъ въ немъ единственное авторитетное лицо, принимающее непосредственное и видное участіе въ отправленіи мѣстнаго правосудія. Поэтому понятно, почему министерство юстиціи, которому принадлежала иниціатива этого учрежденія, такъ упорно проводило и отстаивало его. Не будь уѣзднаго члена въ составѣ съѣзда, порвалась бы почти всякая связь между отправленіемъ правосудія въ уѣздѣ и высшимъ органомъ, охраняющимъ его: министерство юстиціи было бы совершенно вытѣснено изъ сферы уѣздной жизни и осталось бы при недостаточно авторитетномъ городскомъ судьѣ и при товарищѣ прокурора. Вводя же уѣзднаго члена, министерство юстиціи сохранило еще небольшое вліяніе на судебное дѣло въ уѣздѣ; 4) получивъ по наслѣдію отъ мировыхъ учрежденій право функціи охранительнаго судопроизводства, право производить, по порученію окружнаго суда, допросъ свидѣтелей, дознаніе чрезъ окольныхъ людей, осмотръ на мѣстѣ и провѣрку письменныхъ доказательствъ внѣ города, гдѣ находится окружный судъ (въ нѣкоторыхъ случаяхъ, указанныхъ Уст. гражд. суд.), право объявленія приговоровъ, постановленныхъ окружнымъ судомъ, обревизованія городскихъ судей, судебныхъ слѣдователей, книгъ и дѣлъ нотаріусовъ, входя въ составъ окружнаго суда при выѣздахъ послѣдняго въ уѣздъ, получивъ, наконецъ, право предсѣданія на судѣ присяжныхъ въ уѣздномъ городѣ и непосредственнаго надзора за судебными приставами и разсыльными,—уѣздный членъ, исполняя всѣ эти сложныя и отвѣтственныя функціи, значительно облегчаетъ дѣятельность окружнаго суда, по большей части отдаленнаго отъ уѣзда, приближаетъ этотъ судъ во многихъ случаяхъ къ населенію. Благодаря уѣздному члену, уменьшились и издержки сторонъ по гражданскимъ дѣламъ: такъ, при допросѣ свидѣтелей или при производствѣ осмотра на мѣстѣ не приходится уже платить значительныя суммы на выѣздъ члена окружнаго суда изъ города, въ которомъ находится судъ. Уѣздный членъ является судебнымъ органомъ, связующимъ окружной судъ съ уѣздомъ, контролирующимъ и ревизующимъ на мѣстѣ нѣкоторыхъ агентовъ судебной власти (слѣдователей, нотаріусовъ и судебныхъ приставовъ). Правильное и быстрое отправленіе ими ихъ обязанностей необходимо для пользы населенія и правосудія, но, вслѣдствіе отдаленности ихъ мѣста пребыванія отъ окружнаго суда, de facto они подвергались только случайному, довольно рѣдкому и всегда поверхностному

контролю со стороны суда; 5) наконецъ, уѣздный членъ можетъ, какъ было выше замѣчено, оказывать значительное вліяніе на отправленіе правосудія въ съѣздѣ, выступая въ роли предсѣдателя судебнаго его присутствія (при отсутствіи предводителя дворянства). Гдѣ предводители—не правовѣды или неопытны въ судебной части, гдѣ они были достаточно благоразумны, тамъ уѣздный членъ всегда de facto предсѣдательствуетъ и, конечно, съ пользою для дѣла.

Итакъ, правосудіе въ уѣздѣ могло только выиграть отъ непослѣдовательности реформы, которая, подъ давленіемъ добрыхъ традицій судебныхъ уставовъ и указаній самой жизни, не могла провести достаточно прямолинейно и всеобъемлюще начало полнаго соединенія суда и администраціи въ формѣ объединеннаго учрежденія. Но законодательство, *вводя стороною чисто-судебный* и *независимый элементъ* въ составъ учрежденія судебно-административнаго, не могло поставить въ немъ этотъ элементъ вполнѣ правильно. Оно думало найти возможность «безболѣзненнаго» соединенія двухъ учрежденій, не имѣющихъ между собою ничего общаго ни въ прошломъ, ни въ принципахъ и характерѣ дѣятельности; но, въ такомъ случаѣ, законодатель заранѣе примирялся въ фальшью созданнаго имъ противоестественнаго сочетанія. Въ учрежденіи уѣзднаго члена открывается «обратная сторона медали»: будучи постороннимъ, чисто-судебнымъ элементомъ, независимымъ отъ администраціи, уѣздной и губернской, притомъ несмѣняемымъ, уѣздный членъ не могъ прійтись вполнѣ ко двору. Появился, мѣстами, рѣзкій и всѣмъ замѣтный, а иногда глухой и болѣе скрытый *антагонизмъ* между судебнымъ человѣкомъ и судьею-администраторомъ, между лицомъ знающимъ только законъ и пріемы строго-судебнаго отношенія къ дѣлу и тѣми, которые вѣдаютъ администрацію и придаютъ особенное, главнѣйшее значеніе пріемамъ и задачамъ административнымъ. Сойтись же и примириться двумъ элементамъ, строящимъ свою дѣятельность на различныхъ основныхъ началахъ, далеко не всегда возможно. Естественно, что администрація, начиная съ мѣстнаго вліятельнаго ея представителя (предводителя дворянства), поддерживаетъ свое дѣтище. Отсюда—недовѣріе и рознь, даже столкновенія, приводящія къ тому, что положеніе уѣздныхъ членовъ бываетъ нерѣдко очень тяжелое. Приключались и случаи *перевода* уѣздныхъ членовъ даже по настояніямъ предводителей (или губернской администраціи). А при такихъ условіяхъ возможная польза учрежденія (уѣзднаго члена) значительно умаляется.

VII. *Городской судья* — блѣдная тѣнь уѣзднаго члена. По судебнымъ дѣламъ у него та же подвѣдомственность, что у земскихъ начальниковъ, но онъ не обладаетъ, какъ чисто-судебный чиновникъ, дѣйствующій, притомъ, лишь въ предѣлахъ городской черты, никакими административными функціями (ст. 14 и 15 Правилъ объ устр. судебн. части). Назначаются они министерствомъ юстиціи (ст. 6 Правилъ) изъ лицъ съ высшимъ юридическимъ образованіемъ и, вообще, удовлетворяющихъ условіямъ для замѣщенія судебныхъ должностей, указаннымъ въ Судебныхъ Уставахъ

(ст. 200—202 и 205 Учр. суд. уст.), но *не пользуются несмѣняемостью* (увольняются постановленіемъ «консультаціи при министерствѣ юстиціи учрежденной», утвержденнымъ министромъ). И тогда какъ рѣшенія и приговоры уѣздныхъ членовъ (ст. 30 Правилъ) постановляются *всегда по правиламъ*, предписаннымъ въ Уст. гражд. и угол. судопр. *мировыхъ установленій и подлежатъ обжалованію апелляціонному — въ окружной судъ, а кассаціонному—въ сенатъ*, все производство у городскихъ судей и обжалованіе ихъ рѣшеній и приговоровъ подлежатъ тѣмъ же правиламъ, какъ и производство и обжалованіе у земскихъ начальниковъ (ст. 27 Правилъ объ устр. суд. части). Къ функціямъ городскихъ судей отнесены еще кое-какія незначительныя изъ числа возлагавшихся на мировыхъ судей (ст. 19 Правилъ); во всякомъ случаѣ, городской судья не можетъ имѣть того авторитета и той самостоятельности, которые могутъ быть проявляемы уѣзднымъ членомъ. Положеніе городского судьи еще болѣе щекотливое и опасное, такъ какъ, лавируя между Сциллой и Харибдой, онъ не можетъ быть, не опираясь на несмѣняемость, достаточно бодрымъ и самостоятельнымъ среди окружающаго его административно-судебнаго элемента. Лучшее и выгоднѣйшее для него положеніе—сообразовать свое поведеніе и отношеніе къ дѣлу съ характеромъ дѣятельности уѣзднаго члена. И замѣчено, что уѣздный членъ и городской судья—чаще всего *солидарны* въ уѣздномъ съѣздѣ; нерѣдко это прямо полезно, потому что усиливаетъ вліяніе судебнаго элемента и духа въ чуждой ему средѣ уѣзднаго съѣзда.

VIII. *Уѣздный съѣздъ* (см. ст. 69 — 103 «Положенія»). Онъ состоитъ изъ двухъ «присутствій»—административнаго и судебнаго, объединенныхъ въ лицѣ общаго предсѣдателя (предводителя дворянства) и земскихъ начальниковъ, принимающихъ участіе въ обоихъ присутствіяхъ потому именно, что они суть органы административно-судебные. Но, затѣмъ, составъ обоихъ присутствій уже различествуетъ: въ административномъ принимаютъ еще участіе исправникъ, предсѣдатель земской управы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще и податной инспекторъ, а въ судебномъ—уѣздный членъ, городской судья и почетные мировые судьи. Такимъ образомъ, это учрежденіе, долженствовавшее поглотить какъ бывшее уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, такъ и мировой съѣздъ, дѣйствуетъ все же раздѣльно по дѣламъ административнымъ и судебнымъ; замѣтимъ, кстати, что судебныя дѣла волостного суда, вѣдавшіяся прежде административнымъ учрежденіемъ (крестьянскимъ присутствіемъ), отошли теперь въ вѣдѣніе судебнаго присутствія съѣзда. Послѣднее составляетъ, какъ и съѣздъ мировыхъ судей, апелляціонную и кассаціонную инстанцію какъ для судебныхъ дѣлъ, рѣшенныхъ земскими начальниками и городскими судьями, такъ равно и для дѣлъ, разсмотрѣнныхъ волостными судами, въ чемъ, безъ сомнѣнія, нельзя не видѣть хорошей стороны новаго учрежденія: до закона 12 іюля 1889 года крестьянское присутствіе (прил. къ ст. 109 Общ. Пол. о крест.) не постановляло рѣшеній по существу дѣлъ, рѣшенныхъ волостными судами, а являлось по отношенію къ нимъ лишь кассаціонною инстанціей;

и нерѣдко рѣшеніе волостного суда, возмутительное по существу, не могло быть отмѣнено и входило въ законную силу. Въ настоящее же время судебное присутствіе съѣзда вѣдаетъ (по апелляціи) рѣшенія и приговоры волостныхъ судовъ по существу, а также кассаціонное по нимъ производство. При всемъ томъ, уѣздный съѣздъ, какъ *инстанція судебная*, имѣетъ и весьма слабыя стороны въ своей организаціи, проистекающія изъ ложности коренного основанія, на которомъ построены учрежденія 12 іюля 1889 г., т.-е. изъ соединенія въ одномъ лицѣ власти судебной и административной, съ явнымъ преобладаніемъ функцій и значенія сферы административной надъ судебною: 1) предсѣдательство и въ судебномъ присутствіи съѣзда принадлежитъ предводителю дворянства, т.-е. органу административному по преимуществу, отъ котораго законъ не требуетъ ни юридическаго образованія, ни даже судебнаго опыта: предводителемъ можетъ быть избрано лицо 21 года отъ роду, окончившее юнкерское училище и не имѣвшее ни малѣйшаго отношенія къ судебному дѣлу. Извѣстно, какъ великъ во многихъ уѣздахъ недостатокъ въ кандидатахъ на неоплачиваемую должность предводителя, требующую значительныхъ расходовъ и затраты немалаго труда на предсѣданіе въ разныхъ присутствіяхъ. Вотъ почему, сплошь и рядомъ, при условіи имущественной состоятельности, избираются на эту почетную и вліятельную въ уѣздѣ должность, задающую тонъ всему съѣзду, лица въ большинствѣ весьма добропорядочныя, нерѣдко и вполнѣ почтенныя, но только по исключенію способныя быть хорошими судьями и... предсѣдателями судебныхъ присутствій; а, между тѣмъ, отъ нихъ зависитъ постановка судебнаго дѣла и серьезность его направленія. Предводители тактичные и дорожащіе пользами суда не стѣсняются проявлять скромность и «воздавать каждому должное»: они уступаютъ, отдавая принципіально пользу первенства уѣзднымъ членамъ, предсѣданіе этимъ послѣднимъ; другіе только изрѣдка, уступая давленіямъ и просьбамъ заинтересованныхъ, выступаютъ въ роли предсѣдателя по громкимъ и щекотливымъ дѣламъ. Но были и имѣются (и не мало, къ сожалѣнію!) предводители, которые тоже par principe и слышать не хотятъ о предсѣданіи «узурпаторовъ»—уѣздныхъ членовъ; они не даютъ послѣднимъ, какъ говорится, и шагу ступить, ревниво оберегая свое praesidium въ обоихъ присутствіяхъ съѣзда. Было бы, конечно, всего проще и цѣлесообразнѣй, разъ законодатель понималъ необходимость раздѣльнаго дѣйствія двухъ присутствій, назначить уѣзднаго члена de jure предсѣдателемъ судебнаго отдѣла, тѣмъ болѣе, что земскіе начальники ограждали своимъ присутствіемъ въ немъ въ достаточной степени авторитетъ и даже нѣкоторое преобладаніе административнаго элемента. Въ разсматриваемомъ отношеніи дореформенный порядокъ опять же былъ справедливѣе и цѣлесообразнѣе, лучше ограждалъ интересы правосудія. Предводитель *могъ* лишь *быть* предсѣдателемъ мирового съѣзда, но только въ томъ случаѣ, когда: a) пользуясь довѣріемъ *всесословнаго* земства, *былъ избираемъ* въ *почетные мировые судьи*, b) для этого онъ долженъ былъ удовлетворять всѣмъ условіямъ, предъявляе-

мымъ закономъ для избранія мировыхъ судей (слѣдовательно и общеобразовательнымъ цензомъ), с) онъ, предводитель, бывалъ избираемъ предсѣдателемъ съѣзда общимъ собраніемъ всѣхъ участковыхъ и почетныхъ мировыхъ судей. Вотъ почему мы и встрѣчались съ фактами совмѣщенія должностей предводителя и предсѣдателя мирового съѣзда *сравнительно рѣдко*. Если такіе факты имѣли мѣсто, то въ большинствѣ случаевъ они знаменовали собою значительное довѣріе къ способности предводителя быть руководителемъ судебнаго учрежденія. Второй порокъ въ организаціи уѣзднаго съѣзда—*слабость* чисто *судебнаго въ немъ элемента*, подавляемаго элементомъ административнымъ и судебно-административнымъ: уѣздный членъ—единственный имѣющійся во всякомъ съѣздѣ представитель чисто-судебной власти, городской судья—*возможный* второй ея представитель (не всѣ уѣздные города имѣютъ городскихъ судей). Слѣдовательно, одинъ—два судебныхъ агента противъ 3—4, нерѣдко даже 5 земскихъ начальниковъ и предводителя во главѣ. И только почетные мировые судьи, если ихъ достаточное число, если они являются въ съѣздъ и серьезно (а не ради отбытія одной формальности) относятся къ своему дѣлу, *могутъ* нѣсколько возстановить равновѣсіе между указанными элементами съѣзда.

IX. *Губернское присутствіе*. Это оригинальное учрежденіе представляется, разсуждая «sine ira et studio», самымъ неудачнымъ въ системѣ законоположеній 12 іюля и 29 декабря 1889 года. Прежде всего замѣтимъ, что *идея объединенія администраціи и суда получила въ немъ полное выраженіе*. Главный (по числу голосовъ) контингентъ лицъ, принимающихъ въ немъ участіе (ст. 105 «Положенія»), *одинъ и тотъ же для рѣшенія дѣлъ административныхъ и судебныхъ*—начальникъ губерніи (предсѣдатель), вице-губернаторъ, губернскій предводитель дворянства, прокуроръ окружнаго суда (или его товарищъ) и два непремѣнныхъ члена; къ нимъ присоединяются еще, по дѣламъ административнымъ, управляющій казенною палатой и государственными имуществами и предсѣдатель губернской управы, и по судебнымъ дѣламъ лишь *одно новое лицо строго судебнаго характера*—предсѣдатель окружнаго суда (или членъ его). Слѣдовательно, по дѣламъ административнымъ составъ его *тотъ же* (за исключеніемъ одного лишняго непремѣннаго члена), который былъ въ дореформенномъ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, по дѣламъ же судебнымъ это учрежденіе—совершенная и никѣмъ не жданная новинка, какъ по своей задачѣ, такъ и по составу, въ которомъ столь богато представлена вся администрація губерніи и такъ бѣдно-судебные ея органы. Губернское присутствіе является кассаціонною инстанціею (см. ст. 123 «Положенія») для гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, по которымъ постановлены окончательные приговоры и рѣшенія уѣздными съѣздами. Кассаціонные жалобы и протесты на окончательные приговоры и рѣшенія мировыхъ съѣздовъ приносились въ гражданскій и уголовный кассаціонные департаменты сената по принадлежности. Съ закона 12 іюля 1889 г. сенатъ призванъ къ молчанію по всей массѣ дѣлъ, вѣдаемыхъ замѣстителями мировыхъ судей

и ихъ съѣздовъ. Сенатъ, объединявшій мѣстную (мировую) и общую юстицію, при посредствѣ верховнаго надзора за тою и другою, единообразнаго примѣненія и правильнаго толкованія законовъ матеріальныхъ и процессуальныхъ, составленный исключительно изъ лучшихъ и опытнѣйшихъ юристовъ, учрежденіе независимое и высоко авторитетное, состоящее изъ сановниковъ не смѣняемыхъ,—замѣненъ 36 (по числу земскихъ губерній) кассаціонными судами! Извѣстно, что вопросъ о единствѣ или дробленіи кассаціоннаго суда подвергался всестороннему обсужденію еще въ редакціонной коммиссіи, составлявшей Судебные Уставы и въ государственномъ совѣтѣ. И въ то время была уже выдвинута мысль о предоставленіи судебной палатѣ кассаціонной власти надъ мировыми учрежденіями. Но это предположеніе, встрѣтившее энергичныхъ и талантливыхъ защитниковъ, не было принято изъ опасенія создать «столько же различныхъ толкованій одного и того же закона, сколько будетъ судебныхъ палатъ»; разнообразная же интерпретація законовъ отниметъ у гражданъ возможность «разсчитывать на силу гражданскаго закона, на его неприкосновенность и ненарушимость». Получится не улучшеніе судебной части, а «самое ужасное зло», такъ какъ «граждане не будутъ знать, что законно и что противно закону, и потеряютъ сознаніе о своихъ правахъ и обязанностяхъ» (изъ т. VI Дѣла о преобр. суд. части въ Россіи, см. Джаншіевъ: *Основы суд. реформы*, стр. 329).

Приведенное мнѣніе представляется намъ *по отношенію къ судебнымъ палатамъ* нѣсколько рѣзкимъ и одностороннимъ: *опытъ Закавказья*, гдѣ тифлисская палата является кассаціонною инстанціею по жалобамъ на окончательные приговоры мировыхъ судей (ст. 1263 Уст. угол. суд.) и на окончательные приговоры окружныхъ судовъ, постановленные послѣдними въ качествѣ апелляціонной надъ мировыми судьями инстанціи (ст. 1264 и 1267 Уст. угол.) *доказалъ, какъ свидѣтельствуютъ отзывы высококомпетентныхъ лицъ*, полную успѣшность отправленія палатами кассаціонныхъ функцій. Далѣе, сами составители судебныхъ уставовъ не могли строго выдержать на практикѣ идеи *единства* кассаціоннаго суда. Этому препятствовали обширность государства, отдаленность многихъ мѣстностей отъ кассаціоннаго сената и опасность неизбѣжнаго наводненія послѣдняго, свыше его силъ и средствъ (хотя бы даже и при значительномъ увеличеніи штатовъ кассаціонныхъ департаментовъ сената), массою небольшихъ дѣлъ, которыя нахлынули бы туда въ случаѣ обращенія всякихъ кассаціонныхъ жалобъ и протестовъ на разсмотрѣніе одного лишь сената. Поэтому, Судебные Уставы предоставили роль кассаціонной инстанціи *даже мировымъ съѣздамъ* по окончательнымъ приговорамъ и рѣшеніямъ мировыхъ судей, постановлявшимся послѣдними по гражданскимъ дѣламъ на сумму не свыше 30 руб., а по уголовнымъ—при опредѣленіи наказанія не свыше 15 р. штрафа или ареста до 3 дней. Опасность же разнообразія и противорѣчій въ кассаціонныхъ разъясненіяхъ сената и мировыхъ съѣздовъ устранялась тѣмъ, что послѣдніе, состоя, вообще, подъ надзоромъ сената, получили отъ

него и руководящія кассаціонныя разъясненія по всѣмъ дѣламъ большей важности, для которыхъ сенатъ оставался единственною кассаціонною инстанціей. Во всякомъ случаѣ, допуская возможность и цѣлесообразность передачи судебной палатѣ или иному высшему достаточно авторитетному областному суду кассаціонныхъ функцій въ *извѣстныхъ предѣлахъ и при опредѣленныхъ условіяхъ*, никоимъ образомъ нельзя отнестись съ одобреніемъ къ порученію кассаціонныхъ функцій губернскимъ присутствіямъ по той существенной причинѣ, что такихъ судилищъ слишкомъ много, а главное—*составъ ихъ совершенно не подходитъ къ рѣшенію возлагаемой на нихъ отвѣтственной задачи*, что̀ признается даже многими сторонниками судебно-административной реформы. Губернское присутствіе состоитъ изъ лицъ, отъ которыхъ законъ *не требуетъ* (за исключеніемъ прокурора, дающаго лишь *заключенія*, и предсѣдателя окружнаго суда) ни юридическаго образованія, ни судебнаго опыта, и которыя могутъ лишь *случайно* оказаться обладающими обоими необходимыми качествами. Отдавая дань должнаго уваженія почтенному персоналу, составляющему это кассаціонное судилище, нельзя же завѣдомо закрывать глаза предъ общераспространеннымъ и всѣмъ извѣстнымъ явленіемъ, что непремѣнные члены, на которыхъ, главнымъ образомъ, возлагается *докладъ* дѣлъ (ст. III «Положенія»), далеко не всегда обладаютъ указанными качествами, что сказанное въ равной мѣрѣ, если не въ большей, относится и къ губернатору, нерѣдко военному человѣку и отличному администратору; губернскій предводитель—еще того рѣже удовлетворяетъ перечисленнымъ условіямъ. Остается одинъ дѣйствительный судья—предсѣдатель окружнаго суда (или членъ его), который рѣшительно не въ состояніи, по своимъ занятіямъ въ окружномъ судѣ, посвящать губернскому присутствію достаточно времени и вниманія; отношеніе его къ дѣламъ губернскаго присутствія можетъ быть лишь поверхностное, съ не большою пользой для правосудія. Намъ, вообще, кажется, что кассаціонная инстанція есть non sens, если она не составлена изъ судей съ юридическою подготовкою и не состоитъ подъ предсѣдательствомъ выдающагося юриста. Въ губернскомъ же присутствіи—*одинъ дѣйствительный судья*, попавшій туда какимъ-то чудомъ, и ему чрезвычайно трудно вносить въ это присутствіе строго административнаго характера духъ, правила и пріемы, присущіе серьезному кассаціонному разбирательству.

Въ самой попыткѣ ввести авторитетнаго судью въ губернское присутствіе проглядываетъ, пожалуй, невольное недовѣріе законодателя къ своему дѣтищу, уступка Судебнымъ Уставамъ, пустившимъ глубокіе корни. Законодатель самъ вскорѣ же убѣдился въ несостоятельности созданнаго учрежденія, признавъ необходимымъ установить нѣкоторую связь судебно-административныхъ учрежденій съ сенатомъ и дать послѣднему возможность охранять законъ, хотя бы въ исключительныхъ случаяхъ, отъ неправильныхъ толкованій губернскаго присутствія. Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта отъ 29 декабря 1889 г. (ст. III, п. 1

и 2) предоставило министру юстиціи право, *на основаніи дошедшихъ до него свѣдѣній*, «*по сношеніи*» (а не по «соглашенію», какъ неправильно думаютъ поклонники новыхъ учрежденій) *съ министромъ внутреннихъ дѣлъ*, предложить правительствующему сенату о всякомъ «явномъ отступленіи отъ истиннаго смысла закона» для установленія «правильнаго и единообразнаго примѣненія его и возстановленія нарушеннаго порядка». Въ сенатѣ эти дѣла разсматриваются въ особомъ присутствіи изъ сенаторовъ I-го и гражданскаго или уголовнаго кассаціонныхъ департаментовъ, смотря по принадлежности дѣла. Это постановленіе нанесло, конечно, принципіальный ударъ идеѣ полнаго отчужденія мѣстныхъ судилищъ отъ сената и самостоятельнаго, независимаго существованія 36 кассаціонныхъ инстанцій съ ихъ оригинальнымъ составомъ судей. Но въ практикѣ полезное дѣйствіе этой поправки пока еще ощущалось очень мало: 1) до министра юстиціи нужныя ему свѣдѣнія о дѣятельности стороннихъ его вѣдомству учрежденій могутъ доходить случайно, при особо благопріятныхъ условіяхъ, почему особый механизмъ и не можетъ быть часто приводимъ въ дѣйствіе; 2) осторожность и уваженіе къ чужому вѣдомству невольно сдерживаютъ министра юстиціи отъ частаго и энергичнаго вмѣшательства; 3) если, наконецъ, дѣло и передано въ сенатъ, то послѣдній не можетъ отмѣнить состоявшагося опредѣленія и рѣшенія губернскаго присутствія, которыя остаются въ законной силѣ для участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, какъ бы ни были они невѣрны по истолкованію закона. Сенатъ даетъ лишь разъясненіе для правильнаго истолкованія и единообразнаго примѣненія закона въ *будущемъ*, т.-е. дѣйствуетъ путемъ такъ называемой «кассаціи въ интересахъ закона», созданной французскимъ процессомъ, не имѣющій никакого значенія для даннаго дѣла. Послѣ сказаннаго удивительно ли, что произволъ и разнообразіе въ истолкованіи законовъ— явленіе заурядное въ дѣятельности 36 кассаціонныхъ инстанцій: въ губерніяхъ рядомъ лежащихъ различно толкуется ими, наприм., составъ проступка самоуправства и мошенничества, юридическіе признаки договора найма и поклажи и т. п.

X. Законоположенія 12 іюля и 29 декабря 1889 г., принципіально враждебныя мировымъ учрежденіямъ, сохранили не только институтъ почетныхъ мировыхъ судей (см. выше), но и *мировой институтъ во всей его полнотѣ* (см. п. VIII высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта 12 іюля 1889 г.) въ обѣихъ столицахъ, въ городахъ Харьковѣ, Одессѣ и Казани, въ которыхъ осталась вся организація этого суда по учрежденію судебныхъ установленій и всѣ относящіяся къ нему процессуальныя постановленія Уставовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства. Въ этомъ знаменательномъ фактѣ нельзя не усмотрѣть нѣкотораго самопротиворѣчія законодателя: признавъ выборный мировой институтъ и примѣнявшіяся имъ процессуальныя правила непригодными, онъ сохранилъ ихъ для нѣкоторыхъ мѣстностей въ томъ, надо полагать, не всегда вѣрномъ разсчетѣ, что крупные городскіе центры представляютъ

ббльшія гарантіи для избранія доброкачественныхъ судей и для примѣненія болѣе сложныхъ правилъ судопроизводства. Но сохраніе этого института въ городахъ еще болѣе усложнило судоустройство и затруднило отысканіе населеніемъ надлежащаго суда. Въ настоящее время къ прежнему числу судовъ разнаго типа (для крестьянъ и для остальныхъ гражданъ) прибавились еще *два совершенно* новыхъ (городской судья и уѣздный членъ), выдѣлившіеся изъ одного типа (мирового судьи), который расчленился на 4 суда—земскаго начальника, городскаго судьи, уѣзднаго члена и волостного суда; къ нимъ примыкаетъ кое-гдѣ сохранившійся на прежнихъ основаніяхъ мировой судъ. Слѣдовательно, законоположенія 12 іюля и 29 декабря 1889 г. дали взамѣнъ одного суда—цѣлыхъ три, почему и получилось у насъ нынѣ дѣйствующее сложное, нигдѣ болѣе не встрѣчающееся судоустройство, выражаемое числомъ *11* (для всѣхъ гражданъ и *12* (для крестьянъ) судовъ одной первой инстанціи.

XI. Постоянныя и упорныя, хотя и преувеличенныя жалобы на излишнюю сложность и формализмъ судопроизводственныхъ правилъ, которыми руководствовались мировые судьи, недостаточно подготовленные, по своему образованію, къ ихъ правильному истолкованію и примѣненію, нашли отголосокъ у законодателя, который (см. правила 29 декабря 1889 года) и намѣревался значительно упростить судопроизводственный порядокъ у земскихъ начальниковъ и городскихъ судей, сдѣлавъ его доступнымъ обывателямъ уѣзда и удобопримѣнимымъ для вновь образованныхъ на развалинахъ мирового института судебныхъ органовъ. Но получилось нѣчто совершенно неожиданное: при самомъ поверхностномъ прочтеніи «Правилъ судопроизводства» бросается въ глаза, что *новый процессуальный порядокъ* (подробно смотри у *Джаншіева*—ibidem, глава 17)—не только *воспроизведеніе всѣхъ основныхъ положеній* Судебныхъ Уставовъ, *но* въ большинствѣ случаевъ *подражаніе ему* даже въ подробностяхъ; отличія отъ Судебныхъ Уставовъ—весьма незначительныя, больше редакціоннаго свойства, изрѣдка улучшающія правила Уставовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, но иногда и ухудшающія эти послѣднія. Могутъ быть различныя мнѣнія насчетъ причинъ, побудившихъ законодательство воспроизвести въ «Правилахъ» Судебные Уставы. Мы лично склонны объяснить это какъ инстинктивнымъ преклоненіемъ реформаторовъ предъ несомнѣнными достоинствами Судебныхъ Уставовъ, оправдавшихъ себя на опытѣ, такъ и поспѣшностью работы по изданію новыхъ процессуальныхъ правилъ, отнимавшею возможность зрѣлаго обсужденія и выработки чего-либо болѣе простого и подходящаго къ новому судоустройству. Но во всякомъ случаѣ новыя судопроизводственныя правила, разсматриваемыя въ цѣлой ихъ совокупности (исключимъ только главу 16—«правила о понудительномъ исполненіи по актамъ»), ничуть не упростили судопроизводства и не сдѣлали его болѣе доступнымъ уѣздному населенію. А такъ какъ въ существѣ своемъ они—*прежнія* правила, примѣняться же они должны земскими начальниками, образованіе которыхъ ниже, чѣмъ у

мировыхъ судей, то шансы на правильность ихъ истолкованія и примѣненія ими должны скорѣе понизиться, а не повыситься. Подвѣдомственность же дѣлъ разнымъ судамъ въ настоящее время запуталась до чрезвычайности. Даже правовѣду далеко не легко разобраться въ ней. Достаточно напомнить, что съ исками отъ 300 до 500 руб. надо обращаться не къ земскому начальнику, а къ уѣздному члену, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, нами въ своемъ мѣстѣ указанныхъ, именно къ земскому начальнику,—что кража на одну и ту же сумму подлежитъ вѣдѣнію волостного суда и земскаго начальника (если украдена «лошадь или крупный скотъ»),—что иски о возстановленіи владѣнія относены къ компетенціи земскихъ начальниковъ, а «о правѣ участія частнаго»—къ вѣдомству уѣзднаго члена и т. д.

XII. Разсмотрѣнная нами реформа представляетъ изъ себя механизмъ большой сложности и разнообразія, построенный на искусственномъ и нерѣдко случайномъ сочетаніи элементовъ трудно согласимыхъ. Въ уѣздѣ отправляютъ судъ судьи-администраторы, при нихъ въ городахъ—часто судебные чиновники (городскіе судьи) и уѣздные члены; въ уѣздѣ же дѣйствуетъ и волостной судъ. Во главѣ уѣздныхъ судебныхъ учрежденій—предводитель дворянства, т.-е. административный чиновникъ, предсѣдающій въ уѣздномъ съѣздѣ. Эта судебная инстанція—полная пестрота и смѣсь самыхъ разнообразныхъ сочетаній: судьи—дворяне, назначаемые администраціей и ею смѣняемые (земскіе начальники), зависимые отъ правительственной власти, представители господствующаго сословія и его интересовъ; съ ними рядомъ—судебные члены несмѣняемые (уѣздный членъ) и смѣняемые (городскіе судьи); подлѣ нихъ—почетные мировые судьи—выборные и несмѣняемые, но утверждаемые лишь сенатомъ, ему только подчиненные. Министерство внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, земство и сенатъ вѣдаютъ и руководятъ назначеніемъ, избраніемъ и увольненіемъ, каждое—судей опредѣленной группы. Въ губернскомъ присутствіи картина еще разнообразнѣе и сочетанія еще своеобразнѣе: губернаторъ и вице-губернаторъ—агенты верховной власти, высшіе чиновники министерства внутреннихъ дѣлъ, губернскій предводитель—избранникъ дворянства, непремѣнные члены—изъ нихъ же, но по назначенію министра внутреннихъ дѣлъ (съ утвержденія верховной власти), предсѣдатель суда—несмѣняемый судья. Въ итогѣ получается достаточное число разнообразныхъ лицъ съ судебными функціями, но назначаемыхъ, опредѣляемыхъ и увольняемыхъ различными способами, съ разными степенями независимости и съ различною подчиненностью разнообразнѣйшимъ властямъ и вѣдомствамъ. Общій же тонъ — преобладаніе зависимаго административнаго элемента и подавленіе судебнаго, достигающее наибольшей степени въ кассаціонной инстанціи; общій уровень подготовленности къ судебному дѣлу совершенно недостаточный. Должно ли удивляться тому, что отправленіе судебныхъ функцій въ новыхъ учрежденіяхъ заставляетъ многаго желать и что привычки, чисто-административныя (напримѣръ, своеобразный взглядъ на ст. 61 «Положенія»), вторгнувшись въ отправленіе правосудія, приводятъ къ рѣшеніямъ и приговорамъ несправед-

ливымъ, скороспѣлымъ и даже къ явнымъ злоупотребленіямъ! Не мало такихъ примѣровъ собрано въ печати изъ всѣхъ мѣстностей, въ которыхъ введена судебно-административная реформа (нѣкоторыя указанія относительно злоупотребленій ст. 61 см., наприм., у *Дружинина* — «Наказаніе безъ суда», *Журналъ Петерб. Юридич. Общества*, ноябрь 1895 г., а примѣры судебныхъ рѣшеній у *П. Обнинскаго* — «Мировые судьи и ихъ пріемники», *Сборникъ Правовѣдѣнія*, т. V, 1895 г.). Но гораздо большее число ихъ въ печать не проникало, хотя многимъ доподлинно извѣстно!

XIII. Судебную власть слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, отнять у земскихъ начальниковъ и передать ее лицамъ, которыя будутъ облечены исключительно судебными функціями. Основанія къ тому мы усматриваемъ слѣдующія: 1) теоретически возможно раздвоить земскаго начальника на судью и администратора, но *практически такое двоеніе неосуществимо*, такъ какъ обѣ функціи отправляетъ одинъ живой человѣкъ, почему практическая дѣятельность земскаго начальника представляетъ всѣ невыгоды соединенія суда и администраціи въ одномъ лицѣ; 2) самое соединеніе построено на началахъ неравенства, такъ какъ функціи административныя — и de jure, особенно же de facto — поставлены у нихъ на первомъ планѣ; первыя задаютъ тонъ послѣднимъ, почему и должны неизбѣжно отразиться на дѣятельности судебной; 3) принципы же дѣятельности административной и судебной различны (противнаго еще никто не доказалъ) и полезное, необходимое, даже законное въ одной сферѣ вредно, противозаконно или безполезно въ другой (судебной). Земскій начальникъ-администраторъ долженъ быть скоръ и рѣшителенъ въ дѣйствіяхъ, извѣстная доля усмотрѣнія не рѣдко необходима для успѣха его миссіи; средства, которыми онъ орудуетъ, тоже своеобразны. Земскій начальникъ-судья долженъ быть остороженъ и вдумчивъ, всѣ свои дѣйствія и рѣшенія подчинять одному закону, усмотрѣнію — нѣтъ мѣста совершенно, средства дѣйствій — точно, ясно указаны и ограничены въ законѣ же. Первая (административная) дѣятельность рождаетъ опредѣленныя привычки и склонности, создаетъ систему, которая сродняется съ человѣкомъ и не легко поддается сдерживающему вліянію противоположныхъ системъ и привычекъ. Функціямъ административнымъ соотвѣтствуютъ однѣ, судебнымъ — другія душевныя способности; для первыхъ воспитаніе и подготовка необходимы и полезны совсѣмъ не тѣ, которыя требуются для судьи. Даже очень способные люди, богато одаренные природою, выросшіе и воспитывавшіеся въ особо благопріятныхъ условіяхъ, съ характерами гибкими и впечатлительными, могли бы съ одинаковымъ успѣхомъ отправлять столь разнообразныя функціи, какія возложены на земскихъ начальниковъ, только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ. Но законъ пишется для людей среднихъ; онъ не вправѣ предъявлять къ нимъ требованія, предполагающія за ними высочайшія качества, присущія очень немногимъ избраннымъ; 4) изъ различія въ принципахъ и въ строѣ административной и судебной дѣятельности вытекаетъ, что земскіе начальники будутъ въ большинствѣ случаевъ удовлетворять или пер-

вому, или второму требованію, иногда же ни тому, ни другому, т.-е. нѣкоторые изъ нихъ будутъ плохими судьями и хорошими администраторами (что и встрѣчается сплошь и рядомъ на практикѣ), другіе, наоборотъ, а третьи, натуры не рѣшительныя и колеблющіяся, безъ опредѣленнаго призванія, по своему прошлому, окажутся неудовлетворительными и въ томъ, и въ другомъ отношеніи. Общій же тонъ службы и профессіи, господствующія ея начала должны взять верхъ надъ всѣми другими. А такъ какъ административныя требованія и начала въ дѣятельности земскихъ начальниковъ подавляютъ судебныя, то вся дѣятельность по отправленію правосудія должна окрашиваться цвѣтомъ административной системы; 5) земскій начальникъ зависимъ отъ высшей губернской администраціи и смѣняемъ, что необходимо для администратора, но не даетъ ему устойчивости, какъ судьѣ; онъ всегда можетъ быть подчиненъ велѣніямъ и внушеніямъ административнымъ по дѣламъ судебнымъ. Не даромъ же М. Н. Катковъ (еще въ 1866 г.) замѣтилъ, что «независимость суда отъ администраціи самое существенное условіе правильнаго суда», безъ котораго лучшее судоустройство было бы «учрежденіемъ мертворожденнымъ»; 6) наконецъ, земскій начальникъ подавленъ великимъ множествомъ возложенныхъ на него обязанностей и заботъ. Объѣзды волостей, ревизія ихъ, надзоръ за волостнымъ судомъ, крестьянскими обществами, ихъ экономическимъ благосостояніемъ, судебныя его функціи въ участкѣ и въ уѣздномъ съѣздѣ, исполненіе многихъ порученій начальства губернскаго — все это такая работа, что *добросовѣстно и хорошо исполнять ее нѣтъ возможности.*

В. Даневскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

По поводу предстоящей реформы нашего судоустройства *).

§ 4.

I. Во вступительной рѣчи, произнесенной въ засѣданіи (18 декабря 1885 г.) общаго собранія старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ палатъ, авторитетный голосъ министра юстиціи, подтверждая необходимость предполагаемаго коммиссіей объединенія судебной части, указалъ на тотъ поразительный фактъ, что «въ одной только Европейской Россіи оказывается 12 различныхъ типовъ судебнаго устройства», которые, при графическомъ изображеніи на особой картѣ, составленной статистическимъ отдѣленіемъ I департамента министерства юстиціи, «образовываютъ 18 различныхъ въ судебномъ отношеніи территорій»; при меньшемъ разнообразіи этихъ типовъ въ Азіатской Россіи, оно доходитъ тамъ «до 9 различныхъ группъ судебныхъ установленій» (см. *Труды* высоч. учрежд. ком. 1895 г., т. I, II—протоколы). Министръ указалъ и на то, что схемы судебнаго устройства, выработанныя каждымъ изъ пяти отдѣловъ коммиссіи, отнюдь «не представляютъ собою законченнаго, вполнѣ выработаннаго проекта предполагаемыхъ измѣненій въ судебной части». Такого проекта «нѣтъ ни въ коммиссіи, ни въ министерствѣ», а имѣется лишь «рядъ различныхъ по исходнымъ точкамъ зрѣнія мыслей и предположеній о возможности такъ или иначе устроить судебную часть на началахъ ея объединенія». Въ заключеніе, Н. В. Муравьевъ намѣтилъ для обсужденія 14 пунктовъ, формулирующихъ общія цѣли и задачи необходимой реформы (ibidem). Въ числѣ ихъ указаны: 1) *объединеніе* различныхъ судебныхъ установленій *въ общемъ типѣ, который былъ бы пригоденъ*, съ нѣкоторыми частными видоизмѣненіями, *для всѣхъ мѣстностей Имперіи;* 2) *приближеніе суда къ населенію, при устройствѣ мѣстной юстиціи въ качествѣ первой ступени* и исходной точки всей организаціи; 3) *достиженіе* возможно *большей простоты* въ судоустройствѣ (и судопроизводствѣ); 4) *выдѣленіе судебнаго вѣдомства изъ учрежденія земскихъ начальниковъ и «оставле-*

*) *Русская Мысль*, кн. I.

ніе за ними той судебной власти, которая необходима для немедленнаго охраненія порядка и безопасности и для огражденія правъ частныхъ лицъ въ повседневной, бытовой и хозяйственной жизни сельскихъ мѣстностей, съ передачею остальныхъ дѣлъ въ вѣдѣніе мѣстныхъ чисто-судебныхъ органовъ» (ibidem, стр. 33 и 34). Наконецъ, признавая «центральное значеніе» для реформы вопроса объ устройствѣ уѣздной или мѣстной юстиціи, министръ юстиціи высказалъ, что желательное преобразованіе «должно начаться съ объединенія существующихъ нынѣ двухъ главныхъ типовъ уѣздной юстиціи—чисто судебнаго (выборные мировые судьи въ столицахъ и нѣкоторыхъ большихъ городахъ и мировые судьи отъ правительства на окраинахъ) и судебно-административнаго». Для достиженія этой цѣли необходимы какъ *болѣе или менѣе одинаковое устройство судебной части въ обѣихъ группахъ*, такъ и *выдѣленіе судебныхъ чиновъ и ихъ функцій изъ смѣшанныхъ коллегій,* безъ котораго «едва ли возможно будетъ поставить органы уѣздной юстиціи въ надлежащую связь съ цѣлымъ строемъ собственно судебныхъ учрежденій». Необходимо также установить «правильныя соотношенія между судебными органами въ каждой мѣстности, такъ какъ въ настоящее время уѣздная юстиція обоихъ видовъ *не объединена съ общими судебными учрежденіями* ни въ порядкѣ юстицій, ни въ административномъ отношеніи». Но, при всей своей важности, вопросъ «объ оставленіи неприкосновенною или объ ограниченіи теперешней судебной компетенціи административныхъ учрежденій касается не столько устройства и положенія мѣстной судебной власти, *сколько объема и предѣловъ ея приложенія или дѣятельности»* (ibidem, стр. 35—36). Въ виду сказаннаго, *совѣщаніе,* какъ извѣстно, *не касалось вовсе вопроса о судебной власти земскихъ начальниковъ.*

Достоинства цѣлесообразной судебной организаціи должны выражаться въ возможно-полномъ и правильномъ сочетаніи нѣсколькихъ условій: 1) *единство типа,* который, распространяясь по всей странѣ, пресѣкаетъ затрудненія и сомнѣнія при отысканіи суда; 2) *близость суда къ населенію,* т.-е. возможно большее число судовъ въ данномъ районѣ, съ наиболѣе широкою подвѣдомственностью; 3) *независимость суда* отъ мѣстныхъ вліяній и *отъ администраціи*, т.-е. полное отдѣленіе его отъ послѣдней, съ присвоеніемъ ему исключительно судебныхъ функцій и съ поставленіемъ судей въ условія *несмѣняемости*; 4) *способность суда*, т.-е. нравственный и образовательный цензъ судей; 5) въ связи съ послѣдними двумя условіями находится и *авторитетность* суда въ глазахъ населенія, мѣстной администраціи и правительства; 6) авторитету суда содѣйствуютъ еще: a) высокое служебное положеніе лицъ, профессіонально отправляющихъ правосудіе, b) хорошее матеріальное обезпеченіе судей, справедливое само по себѣ и необходимое для охраненія ихъ независимости; 7) возможная *дешевизна суда*, т.-е. *наименьшее обремененіе государственнаго бюджета* расходами по судебной организаціи насколько, конечно, дешевое судоустройство достижимо безъ ущерба для интересовъ правосудія и населенія,

такъ какъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что судъ, хотя и дешевый, но плохой—оказывается, въ концѣ-концовъ, дорогимъ, судъ же болѣе дорогой, но доброкачественный—косвенно, но всегда окупается для населенія и государства; и никакая серьезная реформа въ судоустройствѣ, при современныхъ условіяхъ и требованіяхъ, предъявляемыхъ къ нему обществомъ и государственными интересами, не можетъ обойтись безъ увеличенія бюджета министерства юстиціи; наконецъ, 8) *инстанціонная система*, построенная надъ судами первой степени, близкими къ населенію, должна быть создана на началахъ *наименьшаго числа наиболѣе близкихъ* къ судамъ I степени *инстанцій, прочной связи* между *судами* и *іерархическаго ихъ подчиненія, съ устройствомъ правильнаго и постояннаго надзора и контроля высшихъ судовъ надъ низшими*, окончательно объединенными верховнымъ (кассаціоннымъ) судомъ.

Наиполнѣйшее сочетаніе этихъ условій даетъ наибольшее приближеніе къ идеалу хорошаго суда; выпаденіе даже одного изъ нихъ уменьшаетъ доброкачественность его и можетъ быть допущено (и то лишь по отношенію къ нѣкоторымъ изъ этихъ условій) только при исключительныхъ обстоятельствахъ.

II. Какой же *типъ* мѣстнаго суда можно рекомендовать въ качествѣ I инстанціи? Въ § III мы приходили къ заключенію, что *было бы полезно* для правосудія *передать всю имѣющуюся у земскихъ начальниковъ судебную власть въ руки чисто судебныхъ должностныхъ лицъ;* а при этомъ условіи теряетъ свой raison d'être вся судебная сторона организаціи, созданной закономъ 12 іюля 1889 г., т.-е. судебныя отдѣленія уѣзднаго съѣзда и губернскаго присутствія. Но если такъ, то не проще ли замѣнить судъ земскаго начальника мировыми учрежденіями, т.-е. возстановить, съ нѣкоторыми исправленіями, порядокъ, существовавшій у насъ 25 лѣтъ и исчезнувшій (и то не вполнѣ) лишь съ 1889 г.? Мы лично всегда были сторонниками выборнаго мирового института; разсуждая sine ira et studio, можно признать, что, *въ цѣломъ, этотъ институтъ оправдалъ себя* и сослужилъ добрую службу русскому обществу. Будучи призванъ, по словамъ Д. Н. Замятина, творить судъ по дѣламъ именно тѣхъ лицъ, которыя нуждались въ судѣ скоромъ и правомъ, мировой судъ долженъ былъ стать «краеугольнымъ камнемъ суда гласнаго, скораго, праваго и милостиваго», пріучить массу населенія къ законности и къ сознанію равенства гражданъ передъ судомъ и закономъ. Несомнѣнно также, что мировая юстиція, встрѣченная при ея введеніи большимъ сочувствіемъ правительственныхъ сферъ и высшей мѣстной администраціи, вполнѣ оправдала въ лицѣ мировыхъ судей перваго избранія, возлагавшіяся на нее надежды. Безспорный авторитетъ А. Ф. Кони, ознакомившагося съ мировою юстиціей почти всей Россіи въ качествѣ оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента сената, имѣвшаго надзоръ за мировыми учрежденіями, подтверждаетъ сказанное. Признавая промахи мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ, но приписывая имъ значеніе явленій единичныхъ, нашъ извѣстный юристъ и практикъ гово-

ритъ (см. рѣчь его въ годичномъ собраніи Петерб. юрид. общества), камеры мировыхъ судей сдѣлались не только мѣстомъ отправленія дост наго народу правосудія, но и *школою порядочности и уваженія къ ловѣческому достоинству*. Были отдѣльныя злоупотребленія, доходив и до суда, были и осудительные приговоры послѣднихъ надъ мировы судьями; въ нѣкоторыхъ уѣздахъ и городахъ, которымъ какъ-то особень не посчастливилось, мировыя учрежденія шли, вообще, плохо; но во мно гихъ другихъ, гдѣ они шли одно время неудовлетворительно, удавалось, путемъ избранія новыхъ судей, улучшить мѣстную юстицію весьма замѣтно. Мы не отрицаемъ также, что съ конца 70-хъ и особенно въ 80-хъ годахъ уровень мировыхъ судей и качество ихъ дѣятельности, вообще говоря, понизилось. Но не будемъ же упускать изъ виду, что мировые судьи—плоть отъ плоти и кровь отъ крови общества, переживавшаго извѣстныя болѣзненныя явленія, изъ котораго выходили всѣ наши общественные и судебные дѣятели. Необходимо признать, что въ разсматриваемое время уровень адвокатуры, магистратуры стоячей и сидячей *тоже понизился*, и было бы вопіющею несправедливостью винить въ этомъ пониженіи уровня однихъ мировыхъ судей. И тѣмъ не менѣе, мировой институтъ, жившій съ 80-хъ годовъ подъ постояннымъ страхомъ упраздненія, подъ градомъ нападокъ и явнымъ недовѣріемъ къ нему правящихъ сферъ, т.-е. при условіяхъ неблагопріятныхъ, все же отправлялъ свои судебныя обязанности настолько удовлетворительно, что можно было бы, не упраздняя его, ограничиться одними его исправленіями, указанными опытомъ. Возможно было измѣнить систему выборовъ въ мировые судьи, продолжить сроки службы (съ 3 на 5, даже на 6 лѣтъ), отдать предпочтеніе образовательному цензу передъ имущественнымъ, т.-е. понизить послѣдній для кандидатовъ съ высокимъ образованіемъ; слѣдовало, далѣе, связать мировыя учрежденія съ общими болѣе тѣсно и близко, подчинивъ ихъ контролю судебной палаты, усилить надзоръ, устроивъ частыя и систематическія ревизіи. Наконецъ, было вполнѣ возможно и необходимо упростить судопроизводство, освободивъ его отъ формализма, сложности и волокиты, столь неумѣстныхъ по самой идеѣ мирового суда и искусственно насажденныхъ на почву мирового института. Во всякомъ случаѣ есть *доля правды* во мнѣніи, высказанномъ и на совѣщаніи старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ палатъ, приписывавшемъ гибель мирового института отсутствію близкаго и дѣятельнаго за нимъ надзора и системѣ выборовъ на слишкомъ краткіе сроки службы. Тѣмъ не менѣе, и безъ всѣхъ указанныхъ измѣненій и поправокъ, мировыя учрежденія все же удовлетворяли своей цѣли. Это доказывается статистическими данными о числѣ рѣшеній и приговоровъ мировыхъ съѣздовъ, *отмѣнявшихся* сенатомъ въ кассаціонномъ порядкѣ, сравнительно съ количествомъ самыхъ рѣшеній и приговоровъ, какъ подлежавшихъ, вообще, обжалованію, такъ и обжалованныхъ на самомъ дѣлѣ сенату; это подтверждается и довольно благопріятнымъ для мировыхъ учрежденій процентнымъ отношеніемъ между количествомъ отмѣненныхъ сенатомъ приговоровъ и рѣшеній судеб-

ныхъ палатъ и мировыхъ съѣздовъ, организованныхъ на началахъ избранія судей. Извѣстно также, что оффиціальный органъ (*Правительственный Вѣстникъ*), вскорѣ послѣ введенія закона 12 іюля 1889 г., далъ лестный отзывъ о дѣятельности упраздненнаго института, подкрѣпленный богатою оффиціальною статистикою послѣднихъ годовъ его существованія. Итоги, тщательно и осторожно подведенные (см. *Джаншіевъ*: ibidem, стр. 320—323 выноска), вынудили *Правительственный Вѣстникъ* къ заявленію, что дѣятельность мировыхъ учрежденій была «весьма удовлетворительною, какъ въ смыслѣ правильности постановленныхъ мировыми судьями рѣшеній, такъ и въ отношеніи быстроты производства». И можно было лишь пожалѣть о томъ, что мировой институтъ былъ упраздненъ вскорѣ послѣ того, какъ онъ началъ ощущать на себѣ благотворное вліяніе знаменитаго указа общаго собранія кассаціонныхъ департаментовъ (отъ 6 іюня 1886 г.). Въ немъ сенатъ, обративъ вниманіе на нѣкоторую медлительность и иные непорядки, допускавшіеся въ мировыхъ учрежденіяхъ, преподалъ имъ для обязательнаго руководства цѣлый рядъ правилъ, которыя весьма «подтянули» мировыхъ судей. Будучи хорошо знакомы съ дѣятельностью мирового института во многихъ уѣздахъ и принимавъ личное въ немъ участіе, мы тоже пришли къ положительному заключенію о томъ, что указъ 1886 г. сдѣлалъ многое и могъ бы сдѣлать еще больше для упорядоченія юстиціи, особенно для ускоренія разбирательства. Дальнѣйшимъ доказательствомъ добропорядочности упраздненнаго института и его жизнеспособности можетъ также служить и тотъ знаменательный фактъ, что за 25 лѣтъ его существованія въ 36 земскихъ губерніяхъ, при массѣ участковыхъ и почетныхъ судей (болѣе 2 тысячъ), и при нѣсколькихъ сотняхъ мировыхъ съѣздовъ было очень мало случаевъ злоупотребленій, возбуждающихъ общее вниманіе; равнымъ образомъ не раздавалось въ обществѣ громкихъ и всеобщихъ противъ учрежденія жалобъ, снабженныхъ опредѣленными обвиненіями. Фактъ тѣмъ болѣе поразительный, что жизнь новыхъ судебно-административныхъ учрежденій, едва только введенныхъ въ первые годы въ немногихъ губерніяхъ, сейчасъ же ознаменовалась появленіемъ со всѣхъ сторонъ и изъ многихъ источниковъ немалаго числа жалобъ и порицаній по случаю несомнѣнно констатированныхъ злоупотребленій, нерѣдко поистинѣ вопіющихъ; правда, послѣднія приключались чаще въ области администраціи, но бывали и по дѣламъ судебнымъ (см. вышецитир. ст. Обнинскаго и Дружинина). А между тѣмъ порицанію мировой юстиціи и всевозможнымъ нападкамъ на нее были открыты полный просторъ, «гостепріимный пріютъ и слухъ отверстый» у многихъ вліятельныхъ: ничто не было скрыто, малѣйшій промахъ—все попадало въ печать и доходило куда слѣдуетъ.

III. Тѣмъ не менѣе, будетъ весьма затруднительно осуществить единый типъ мѣстнаго судьи, подъ именемъ *участковаго* (или мирового), посредствомъ возвращенія къ порядку избранія судей въ земскихъ собраніяхъ. Для приближенія суда къ населенію необходимо сосредоточить на мѣстѣ, т.-е. у участковыхъ судей, возможно большее число дѣлъ. Къ нимъ долж-

ны будутъ отойти довольно сложныя и значительныя по цѣнѣ иска гражданскія дѣла, а равно и уголовныя правонарушенія, обложенныя довольно серьезными наказаніями, превышающими кары, которыя примѣнялись мировыми учрежденіями. Но такое расширеніе подвѣдомственности единоличныхъ судей порождаетъ требованіе высокаго спеціальнаго (юридическаго) ихъ образованія. Даже въ лучшую пору своего существованія мировыя учрежденія претерпѣвали въ нѣкоторыхъ уѣздахъ замѣтный недостатокъ въ кандидатахъ не только съ юридическимъ, но вообще и съ высшимъ образованіемъ. Иногда не хватало даже лицъ съ среднимъ образованіемъ, что объяснялось какъ стремленіемъ персонала съ выдающимся образованіемъ въ крупные городскіе центры, такъ и необходимостью сочетать съ образованіемъ и довольно значительный имущественный цензъ, т.-е. два условія рѣдко совмѣщавшіяся у уѣздныхъ обывателей. Для увеличенія числа кандидатовъ на избраніе въ участковые судьи пришлось бы отмѣнить условіе имущественнаго ценза или свести его къ самымъ скромнымъ размѣрамъ. Но въ обоихъ случаяхъ избиратели все же не нашли бы достаточнаго числа кандидатовъ изъ числа лицъ, *имѣющихъ связь съ данною мѣстностью*, которые, откликнувшись на призывъ избирательнаго собранія, согласились бы переселиться въ захолустье, сдѣлавшееся для нихъ совершенно чуждымъ. Не можетъ привлечь, потерявшихъ связь съ мѣстностью, и перспектива новой баллотировки въ должность, хотя бы даже сроки служенія по избранію и были увеличены (съ 3 до 5—6 лѣтъ). Допустимъ даже, что законодатель порѣшитъ обратить выборную судейскую службу въ пожизненную. Но еще составители судебныхъ уставовъ указывали на то, что пожизненное избраніе судей «подрываетъ выборное право въ самомъ его корнѣ», такъ какъ оно имѣетъ значеніе «только при томъ условіи, чтобы избранныя лица оставались на мѣстахъ, доколѣ пользуются довѣріемъ общества», чтобы выборы производились на срочное время, по прошествіи котораго избиратели «могли бы устранить лица, неоправдавшія ихъ довѣрія и выбрать себѣ другихъ представителей» (Суд. уст., изд. госуд. канц., часть 3, стр. XX). При избраніи же на сроки могутъ пойти на должность, какъ это показалъ опытъ, лишь мѣстные обыватели, которые, если бы даже имъ и не пришлось удержаться на должностяхъ, возвращаются, потерпѣвъ фіаско на выборахъ, въ то «первобытное состояніе и положеніе», въ которомъ они жили и коимъ довольствовались до избранія. Человѣкъ же, выбывшій изъ уѣзда и потерявшій съ нимъ связь, ищущій лучшаго въ крупныхъ центрахъ, можетъ быть заинтересованъ возвращеніемъ въ него только при условіи твердости и обезпеченности своего въ немъ положенія отъ всякихъ случайностей, т.-е. при гарантіи *пожизненнаго* его избранія, а не краткосрочнаго, хотя бы даже на 5—6 лѣтъ. И при этомъ даже условіи все же нѣтъ достаточныхъ основаній къ увѣренности въ томъ, что согласятся вернуться въ уѣздъ именно лучшіе изъ числа тѣхъ, которымъ пришлось порвать съ нимъ связь. Пойдутъ охотнѣе, за неимѣніемъ лучшаго, «неудачники» столицъ и крупныхъ центровъ.

Остается, слѣдовательно, одинъ выходъ—кликнуть кличъ къ широчайшему кругу кандидатовъ, т.-е. ко всѣмъ лицамъ съ юридическимъ образованіемъ, гдѣ бы они ни находились, не обращая вниманія на то—имѣли ли они и продолжаютъ ли имѣть какія-нибудь связи съ уѣздомъ или съ городомъ. Число такихъ кандидатовъ будетъ, конечно, очень значительно; но въ такомъ случаѣ возникаетъ вопросъ—гдѣ и въ чемъ лежатъ гарантіи доброкачественности избранія такихъ стороннихъ лицъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ уѣзду и неизвѣстныхъ, въ качествѣ совершенно постороннихъ, большинству избирателей? Придется избирать въ судьи по рекомендаціи одного или немногихъ гласныхъ, безъ строгой провѣрки кандидатуры лица, находящагося за тридевять земель, т.-е. подчинить избраніе разнымъ случайностямъ. Если же не отступать при этомъ отъ системы срочности выборовъ, то опять же нѣтъ ручательства въ томъ, что кандидаты проявятся со стороны въ достаточномъ числѣ, доброкачественные и имѣющіе намѣреніе пристроиться на мѣстѣ прочно, а не на время, до наступленія болѣе благопріятныхъ условій.

Въ виду изложеннаго, мы не можемъ вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ одного изъ членовъ совѣщанія (*Труды*, т. I, стр. 39—40), который полагалъ, что участковые судьи, имѣющіе жить въ селахъ и деревняхъ, *могутъ подпасть вредному вліянію условій жизни въ глухихъ мѣстностяхъ*, которыя приведутъ къ нежелательнымъ послѣдствіямъ—стремленію скорѣе оставить мѣсто службы и къ возможности, при неосуществленіи этого стремленія, опуститься въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Для предупрежденія этихъ послѣдствій членъ совѣщанія предлагалъ «*назначать* участковыхъ судей *изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ съ* опредѣленнымъ *имущественнымъ цензомъ, съ юридическимъ образованіемъ* и достаточно *практически подготовленныхъ* на службѣ по судебному вѣдомству». Требованіе имущественнаго ценза мотивировалось тѣмъ, что «возможность остаться въ своей усадьбѣ, среди привычнаго общества и знакомой мѣстности привязывала бы участковаго судью къ его дѣлу и противодѣйствовала бы и другимъ пагубнымъ вліяніямъ провинціальной жизни». Нужно ли распространяться о томъ, что органъ, *назначающій* судьей, найдетъ въ уѣздахъ лишь очень немногихъ лицъ, обладающихъ *всѣми* указанными условіями.

Конечно, при системѣ пожизненнаго назначенія, желающихъ занять должность участковаго судьи найдется больше, чѣмъ при системѣ избранія на срокъ; тѣмъ не менѣе ихъ будетъ въ большинствѣ мѣстностей значительно меньше противъ необходимаго числа кандидатовъ на судейскія должности, чему *косвеннымъ* доказательствомъ служитъ и полная неудача первоначальнаго постановленія закона 12 іюля 1889 г., тоже предполагавшаго назначить земскихъ начальниковъ *по преимуществу* изъ числа лицъ, удовлетворявшихъ вышеисчисленнымъ условіямъ: такихъ лицъ могли найти лишь въ немногихъ мѣстахъ и въ самомъ незначительномъ количествѣ. Это явленіе объясняется, впрочемъ, и другою причиною—непривлекатель-

ностью, во многихъ отношеніяхъ, должности земскаго начальника въ глазахъ не малаго числа просвѣщенныхъ юристовъ.

Въ приведенномъ мнѣніи члена совѣщанія намъ представляется вѣрнымъ одно положеніе, которымъ и слѣдовало бы воспользоваться законодателю. Система назначенія въ участковые судьи министромъ юстиціи изъ числа лицъ, обладающихъ юридическимъ образованіемъ и пріобрѣтшихъ нѣкоторый опытъ прослуженіемъ извѣстнаго числа лѣтъ (не менѣе 3—4) въ званіи кандидатовъ на судебныя должности, большое число которыхъ всегда будетъ въ распоряженіи министерства (подъ условіемъ преобразованія кандидатуры на судебныя должности и обезпеченія кандидатовъ содержаніемъ) могла бы быть дополнена постановленіемъ, рекомендующимъ назначать на должность судьи *преимущественно мѣстныхъ обывателей, изъ лицъ, имѣющихъ въ уѣздѣ или въ городѣ хотя бы небольшое недвижимое имущество* (усадьбу, дачу и т. п.) и *удовлетворяющихъ всѣмъ другимъ условіямъ.* Такое постановленіе закона обезпечило бы тамъ, гдѣ найдутся такія лица, участіе въ судѣ персонала, знакомаго съ мѣстными условіями, что было бы весьма полезно для другихъ судей, назначенныхъ со стороны и чуждыхъ бытовымъ и обычнымъ особенностямъ даннаго района.

IV. Характеристическою *особенностью* проектируемаго *участковаго судьи представляется* намѣченное въ схемахъ пяти отдѣловъ коммиссіи и *одобренное большинствомъ* совѣщанія *соединеніе въ его лицѣ функцій судьи и судебнаго слѣдователя.* Такое соединеніе, совершенно чуждое судебнымъ уставамъ первой редакціи, было введено позднѣе въ Закавказскомъ краѣ (ст. 444, 446, 449—451 учрежд. и ст. 1259—1262 уст. угол. суд.), гдѣ мировые судьи и ихъ помощники должны были совмѣщать въ себѣ единовременно функціи судейскія и слѣдовательскія: въ мировыхъ отдѣлахъ, на которые раздѣляются округи окружнаго суда, образовывались, въ случаѣ обширности этихъ отдѣловъ особые участки, завѣдываемые, на правахъ мировыхъ судей, ихъ помощниками.

Тѣмъ не менѣе, начало соединенія указанныхъ функцій съ самаго начала не могло быть вполнѣ выдержано. Это видно изъ ст. 449 учрежд., согласно которой «для производства слѣдствій по наиболѣе важнымъ дѣламъ» введены отдѣльные судебные слѣдователи (по 2 въ каждомъ изъ 5 окружныхъ судовъ Закавказья). Опытъ вскорѣ же привелъ къ торжеству обратнаго начала—разъединенія функцій слѣдователя и судьи. Уже черезъ годъ по введеніи судебной реформы въ Закавказьѣ старшій предсѣдатель тифлисской палаты указалъ въ своемъ докладѣ великому князю намѣстнику на неудобства соединенія; было проектировано образованіе особыхъ слѣдственныхъ участковъ, на что, впрочемъ, не воспослѣдовало согласія министра юстиціи графа Палена (*Труды*, т. I, стр. 38—39). Тогда намѣстникъ собственною властью (циркуляръ 1870 г.) ввелъ тамъ порядокъ и нынѣ дѣйствующій: образованы особые слѣдственные участки съ возложеніемъ въ нихъ производства слѣдственныхъ дѣйствій на помощни-

ковъ мировыхъ судей, а за ихъ недостаткомъ—на кандидатовъ на судебныя должности. Завѣдывающіе особенными слѣдственными участками получили право приступать къ производству предварительныхъ слѣдствій непосредственно; къ нимъ же направляются всѣ свѣдѣнія о происшествіяхъ криминальнаго характера, подвѣдомственныхъ окружному суду, а равно и произведенныя по нимъ дознанія. Мировые судьи потеряли власть наблюденія за производствомъ слѣдствій въ этихъ отдѣльныхъ участкахъ, которая передана прокурору и его товарищу. Право наблюденія за слѣдствіемъ осталось у мировыхъ судей лишь по отношенію къ тѣмъ мѣстностямъ, въ которыхъ, въ виду отсутствія особыхъ слѣдственныхъ участковъ, предварительное слѣдствіе производится помощникомъ мирового судьи или кандидатомъ на судебныя должности, но и то лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ не присутствуютъ ни самъ прокуроръ, ни его товарищъ. Такимъ образомъ и *въ Закавказьѣ обязанности слѣдователя и судьи фактически почти всюду раздѣлены* и число территоріальныхъ единицъ, гдѣ существуетъ соединеніе ихъ въ одномъ лицѣ, «очень невелико» (*Труды*, т. I, стр. 38). А такъ какъ дѣлопроизводство мировыхъ судей въ Закавказьѣ чрезвычайно обширно, и они очень обремены занятіями, то мировые судьи лишены возможности самолично наблюдать за производствомъ предварительныхъ слѣдствій, почему фактически—помощники ихъ оказываются совершенно самостоятельными слѣдователями. Тѣмъ не менѣе *большинство членовъ совѣщанія высказалось за* проектированное *соединеніе слѣдовательскихъ и судебныхъ функцій* въ лицѣ участковаго судьи, *меньшинство же безусловно противъ него*, среди же большинства, признавшаго неудачу, постигшую опытъ соединенія въ Закавказьѣ, высказано было мнѣніе, что такое фіаско не можетъ дать достаточныхъ основаній къ отрицательному рѣшенію вопроса о совмѣстимости указанныхъ функцій, такъ какъ оно вызвано причинами устранимыми, именно—обширностью участковъ въ Закавказьѣ и крайнею неудовлетворительностью въ немъ путей сообщенія. Поэтому, совмѣщеніе «можно признать желательнымъ» *Труды*, стр. 39) подъ условіями: 1) *незначительности территоріи участка* (радіусъ отъ центра—30 верстъ), 2) *достаточнаго матеріальнаго обезпеченія участковыхъ судей-слѣдователей*. Замѣтимъ также, что схемы отдѣловъ, а равно и всѣ голоса, сочувствующіе началу соединенія, исходили еще изъ положенія громадной практической важности, именно—*значительнаго ограниченія подслѣдственности*, т.-е. *уменьшенія числа дѣлъ, требующихъ производство предварительнаго слѣдствія*, которое весьма облегчитъ слѣдователей-судей. Впрочемъ, *предположено* все же *сохранить* самостоятельную *должность слѣдователя для особо важныхъ дѣлъ*. При указанныхъ условіяхъ большинство не ожидаетъ отъ проектированнаго соединенія никакого вреда для правосудія, *пользу же его усматриваетъ въ возможности получить не только экономію въ личныхъ силахъ и въ денежныхъ расходахъ*, потребныхъ для проведенія всѣхъ предположеній реформы, *но и осуществить главную цѣль* послѣд-

ней—*приблизить судебную власть къ населенію*. Наконецъ, принципіальную возможность и практическую полезность соединенія подкрѣпляли ссылками на Пруссію (Германію?) и Австрію, гдѣ такое совмѣщеніе «дало прекрасные результаты» (*Труды*, стр. 41).

Совершенно иначе разсуждало меньшинство, *соображенія котораго находили опору и въ нѣкоторыхъ указаніяхъ сторонниковъ соединенія;* среди послѣднихъ многіе не скрывали слабыхъ сторонъ совмѣщенія и связанныхъ съ ними серьезныхъ трудностей (*Труды*, стр. 38, 41—42). Приводились, вообще, слѣдующія возраженія: 1) *Внѣшнія* и *внутреннія условія дѣятельности судьи и слѣдователя совершенно неодинаковы*. Первый долженъ быть на мѣстѣ въ камерѣ, второй — въ экипажѣ; въ судьѣ особенно цѣнятъ объективность, безпристрастіе и юридическія познанія, отъ слѣдователя же требуются подвижность, энергія и быстрота дѣйствій (*Труды*, стр. 38). 2) Слѣдователи фактически вынуждены нерѣдко принимать участіе въ розыскѣ, а такая дѣятельность «несовмѣстна съ судейскимъ званіемъ», почему проектированное соединеніе возможно лишь при фактическомъ отдѣленіи собственно слѣдственной части отъ производства дознаній и розыска (ibidem, стр. 40). 3) «*Спеціализація*» *функцій слѣдователя и судьи необходима*, такъ какъ безъ нея будетъ «крайне затруднительно найти лицъ, которыя бы обладали достаточными познаніями какъ по гражданской, такъ и по уголовной части» (ibidem, стр. 44). 4) Одно изъ наиболѣе вѣскихъ возраженій практическаго свойства указывало на то, что *судья долженъ свободно располагать своимъ служебнымъ временемъ*, между тѣмъ съ *обязанностями слѣдователя необходимо соединены разъѣзды;* послѣдніе же неизбѣжно воспрепятствуютъ правильному назначенію судебныхъ дѣлъ къ слушанію и успѣшному ихъ разрѣшенію. Придется, во всякомъ случаѣ, назначить участковому судьѣ помощника, или же устроить такъ, чтобы въ распоряженіи его всегда находился кандидатъ на судебныя должности, который могъ бы принимать, въ отсутствіе судьи, прошенія и исполнять его порученія по производству слѣдствій (ibidem, стр. 45). Въ противномъ случаѣ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, мало населенныхъ, но обширныхъ по пространству (наприм., въ Вятской губерніи), участковому судьѣ пришлось бы, совершая слѣдственные разъѣзды по громадному участку, нерѣдко отсутствовать изъ своей судейской камеры по цѣлымъ недѣлямъ (ibidem, стр. 42). Кромѣ того, въ такихъ уѣздахъ надо было бы образовать значительное число участковъ, но, въ такомъ случаѣ у каждаго судьи было бы слишкомъ небольшое количество чисто-судебныхъ дѣлъ (ibidem, стр. 41). Наконецъ, 5) указывали и на то, что способнѣйшіе изъ молодыхъ юристовъ, вынужденныхъ жить въ деревенскихъ захолустьяхъ, будутъ вообще уклоняться отъ должностей участковыхъ судей, а попавъ на эти должности, постараются поскорѣе выйти изъ связанныхъ съ ними тягостныхъ условій жизни, которыя ухудшаются еще въ большей степени потому, что судьѣ придется быть вмѣстѣ съ тѣмъ и слѣдователемъ. Но въ такомъ случаѣ мѣстная юстиція, приблизившись къ населенію, понизится въ качественномъ отношеніи (*Труды*, стр. 42—43).

Взвѣшивая всѣ pro и contra, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Опасности качественнаго пониженія мѣстной юстиціи можно до нѣкоторой степени противодѣйствовать предъявленіемъ требованія юридическаго образованія, хорошимъ окладомъ содержанія и обязаніемъ для дальнѣйшаго движенія по судебному вѣдомству прослужить не менѣе опредѣленнаго числа лѣтъ въ должности участковаго судьи. Можно также ожидать, что министерство юстиціи будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи большой списокъ кандидатовъ на должности участковыхъ судей, такъ какъ послѣднихъ потребуется нѣсколько тысячъ, а въ такомъ случаѣ вполнѣ возможно ожидать какъ увеличенія поступленія студентовъ на юридическіе факультеты, такъ и уменьшенія прилива оканчивающихъ курсъ юристовъ въ другія вѣдомства (наприм., въ министерство финансовъ), куда они поступаютъ въ настоящее время весьма охотно, въ виду незначительнаго числа мѣстъ по судебному вѣдомству и трудности въ полученіи хорошо оплачиваемыхъ въ немъ должностей. Мы признаемъ также, что съ сокращеніемъ подслѣдственности уменьшатся и затрудненія, проистекающія изъ совмѣстнаго отправленія судейскихъ и слѣдовательскихъ обязанностей. Если въ уѣздѣ въ настоящее время приходится среднимъ числомъ отъ 20 до 24 слѣдственныхъ дѣлъ въ мѣсяцъ, то при 5 судьяхъ новаго типа на долю каждаго изъ нихъ достанется отъ 4 до 5 дѣлъ ежемѣсячно; при учрежденіи же въ уѣздѣ для дѣлъ особо важныхъ должности слѣдственнаго судьи и при сокращеніи подслѣдственности каждому изъ участковыхъ судей придется не болѣе 2—3 слѣдственныхъ дѣлъ и, притомъ, не особенно сложныхъ и трудныхъ (см. *Труды*, стр. 40—41). Внѣ всякаго сомнѣнія, что роль судьи-слѣдователя облегчится также уменьшеніемъ участковъ судей новаго типа. Но, признавая все это, мы, тѣмъ не менѣе, рѣшительно высказываемся противъ предполагаемаго совмѣщенія, находя, что всѣ остальныя вышеизложенныя весьма существенныя соображенія, приводимыя противниками соединенія, рѣшительно ничѣмъ не опровергнуты. Опытъ Закавказья (а также Степного и Туркестанскаго края), что̀ бы ни говорили и какъ бы ни смягчали его итоги, осуществленію предположеннаго плана весьма неблагопріятенъ. Чины судебнаго вѣдомства, знакомые съ положеніемъ дѣлъ въ Закавказьѣ, весьма энергично высказываются, насколько намъ извѣстно, противъ такого соединенія, которое можетъ быть лишь вредно для судейской части и для полноты слѣдствій; знающіе положеніе дѣлъ утверждаютъ даже, что тамъ нѣтъ «ни хорошаго судьи, ни полезнаго слѣдователя» (см. *Судебную Газету* № 46, интересную замѣтку г. Сабинина). Да иначе и быть не можетъ, такъ какъ проектируемое *совмѣщеніе погрѣшаетъ принципіально*. Оно мыслимо лишь въ томъ случаѣ, если бы въ нашемъ уголовномъ процессѣ восторжествовала состязательная его форма, если бы послѣдняя проникла и въ предварительное слѣдствіе. Когда судья-слѣдователь не производитъ самъ розыскныхъ дѣйствій, которыя ведутся хорошею полиціей подъ руководствомъ обвинителя, тогда онъ можетъ быть безпристрастнымъ судьею, рѣшающимъ споръ между обвинителемъ и обви-

няемымъ посредствомъ судебнаго опредѣленія, въ которомъ такой судья-слѣдователь установляетъ вѣроятность обвиненія и даетъ дальнѣйшій ходъ дѣлу (см. мое изслѣдованіе: *Наше предварительное слѣдствіе, его недостатки и реформы*. Москва, 1895 г.). Въ такой же роли выступаютъ англійскіе полицейскіе и мировые судьи въ той начальной стадіи процесса, которая приблизительно соотвѣтствуетъ нашему предварительному слѣдствію. При такихъ условіяхъ и задачахъ дѣятельности судья-слѣдователь принципіально совпадаетъ съ судьею рѣшителемъ дѣлъ по существу, поэтому въ функціяхъ и обязанностяхъ того и другого нѣтъ ни противорѣчій, ни столкновенія. Но тамъ, гдѣ предварительное слѣдствіе проникнуто инквизиціоннымъ характеромъ, гдѣ слѣдователь несетъ на себѣ и розыскныя функціи, тамъ, гдѣ не хотятъ и слышать ни о какихъ уступкахъ состязательному началу въ предварительныхъ слѣдствіяхъ, жалуясь на дурную полицію, какъ органъ розыска,—тамъ, очевидно, судья и слѣдователь были и будутъ агентами самостоятельными, съ различными, а потому и раздѣльными функціями, требующими разныхъ, часто даже противоположныхъ качествъ и способностей. Найти лицъ, обладающихъ въ достаточной степени всѣмъ тѣмъ, что нужно для слѣдователя и судьи, будетъ невозможно: ихъ обрѣтутъ лишь по исключенію, отдѣльными единицами, а сотни молодыхъ людей, которые займутъ должности участковыхъ судей, явятся средними людьми, а не богато одаренными, и, слѣдовательно, окажутся не на мѣстѣ. Нехотя придется большинству соединить обѣ обязанности и отправлять неудовлетворительно, даже дурно, одну изъ нихъ, чаще—слѣдовательскую, для которой нужно особое призваніе и своеобразныя способности, встрѣчающіяся далеко не часто и въ настоящее время, когда слѣдователи не несутъ другихъ обязанностей. И если теперь слѣдователи несутъ свои обязанности не всегда потому, что сами избрали ихъ, то со введеніемъ реформы судьи новаго типа зачастую будутъ отправлять свои слѣдовательскія функціи безъ всякой охоты и призванія. А если въ нихъ и окажется любовь, и призваніе къ слѣдственной части, «слѣдовательская жилка», то своеобразные пріемы и привычки, вырабатывающіеся у хорошаго или опытнаго слѣдователя, они внесутъ въ чисто-судейскія свои функціи; появятся нѣкоторыя односторонность и предвзятость взглядовъ и сужденій, нѣкоторыя презумпціи, вполнѣ терпимыя, а иногда и полезныя у слѣдователя инквизиціоннаго типа, но совершенно неумѣстныя у судьи. Такимъ образомъ, пострадаютъ или слѣдственная часть, или судебная, а вѣрнѣе и чаще—и та, и другая. Интересно, что защитники совмѣщенія сами признаютъ необходимость имѣть въ уѣздахъ особаго слѣдователя для важнѣйшихъ дѣлъ; но, въ такомъ случаѣ и исходя изъ безусловно вѣрнаго положенія о необходимости сокращенія подслѣдственности, отчего не сдѣлать еще одного маленькаго шага—не признать принципіальной правильности дѣйствующаго порядка, т.-е. отдѣленія слѣдователя отъ судьи? При этомъ потребуется кругомъ два слѣдователя на уѣздъ, а такъ какъ при оставленіи за участковыми судьями однихъ судейскихъ

обязанностей можно будетъ уменьшить (хотя бы на 1) и самое число ихъ въ уѣздѣ, то и увеличеніе числа слѣдователей съ 1 на 2—не прибавитъ и расхода на содержаніе судебной части. Приближеніе суда къ населенію, всеконечно, необходимая существенная сторона доброй судебной организаціи. Но оно не единственное ея условіе; близость суда (и слѣдственной власти) къ населенію не можетъ искупаться указанными существенными недостатками проектируемаго соединенія, которое повлечетъ за собою крупныя практическія неудобства. Что бы ни говорили, а остается совершенно неопровергнутою возможность такихъ явленій: участковый судья созвалъ на данный день тяжущихся обвинителей и обвиняемыхъ, вызвано имъ же много свидѣтелей; понаѣхали эти люди изъ-за 10—20 верстъ, явились въ камеру, но не тутъ-то было: судья уѣхалъ экстренно на осмотръ, обыскъ, на слѣдственныя дѣйствія по преступленію, заявленному послѣ назначенія дѣлъ къ слушанію и когда уже нѣтъ возможности послать контръ-повѣстки.

Очевидно, что такіе сюрпризы принципіально не могутъ быть терпимы законодателемъ, такъ какъ *такой судъ будетъ* близкій къ населенію, *но не скорый и подверженный всякимъ случайностямъ*, предотвратить которыя только и возможно будетъ или введеніемъ крошечныхъ участковъ, или же, еще лучше, назначеніемъ къ судьѣ помощника или кандидата на судебныя должности. Но въ *обоихъ случаяхъ расходы на реформу чрезвычайно увеличатся;* избѣгнуть же ихъ съ пользою для дѣла можно простымъ увеличеніемъ (на 1 должность) числа судебныхъ слѣдователей. Можно также опасаться нѣкотораго вмѣшательства въ рѣшеніе судебныхъ дѣлъ со стороны прокурорскаго надзора, который, контролируя слѣдовательскую дѣятельность участковыхъ судей, можетъ внушить опасенія въ томъ, что будетъ оказывать вліяніе и даже давленіе на судью, фактически подчиненнаго прокурорскому надзору въ качествѣ слѣдователя (см. *Судебную Газету*, № 46). И напрасно ссылаются на опытъ Германіи и Австріи. Замѣчательно, что когда рѣчь заходитъ о перенесеніи къ намъ удачныхъ нововведеній уставовъ германскаго и австрійскаго (наприм., о допущеніи защиты на предварительномъ слѣдствіи), представляющихъ изъ себя дѣйствительный прогрессъ въ уголовномъ процессѣ и доказывающихъ свою полезность на опытѣ, то не хотятъ и слышать о такихъ нововведеніяхъ. Обыкновенно раздаются такія возраженія: «неудобно у насъ,—въ Германіи и Австріи другія условія, тамъ меньшія разстоянія, лучшія пути сообщенія, адвокатура тоже лучше русской» и т. д. Но тутъ же иногда рекомендуется заимствованіе порядковъ и постановленій, далеко не составляющихъ лучшихъ и полезнѣйшихъ странъ германскаго и австрійскаго процессовъ и дѣйствительно неприложимыхъ къ условіямъ нашей жизни. Сказанное мы относимъ именно къ допущенному обоими уставами совмѣщенію обязанностей слѣдователя и судьи. Австрійскій уставъ (§ 9, п. 2) возлагаетъ на участковаго (единоличнаго) судью (Bezirksgericht) обязанность оказывать содѣйствіе при дознаніи (Vorerhebung) и предварительномъ слѣдствіи (Voruntersuchung), но изъ ст. 84, 88, 89 австрійскаго устава явствуетъ,

что участіе участковаго судьи ограничивается больше стадіей дознанія (розыска—Vorerhebung), а не предварительнаго слѣдствія, что роль его по закону довольно ограничена (§ 84 и 89). Такъ, слѣдственныя дѣйствія, которыми уничтожаются видимые слѣды преступленія и которыя не подлежатъ повторенію, могутъ быть предприняты участковымъ судьею *лишь въ случаѣ крайности или если грозитъ опасность;* если же дѣло терпитъ отлагательство, то участковый судья долженъ сообщить прокурору о необходимости производства дѣйствій означеннаго хода и лишь принять мѣры къ охраненію слѣдовъ преступленія, пока эти дѣйствія не будутъ приняты судебнымъ слѣдователемъ или пока послѣдній не поручитъ производство ихъ участковому судьѣ. Предварительно же слѣдствіе (Voruntersuchung) производится особымъ судебнымъ слѣдователемъ, изъ числа членовъ судовъ первой степени (наши окружные суды). *Они могутъ лишь возлагать на участковыхъ судей производство отдѣльныхъ слѣдственныхъ дѣйствій*; особыя *совѣщательныя камеры* (отдѣленія судовъ I степени) *могутъ,* правда, *поручать участковымъ судьямъ производство даже всего предварительнаго слѣдствія* по отдѣльнымъ дѣламъ (§ 12, ч. 2), но *такое право* камеры *серьезно ограничено*: передача слѣдствія участковому судьѣ можетъ произойти лишь по выслушаніи заключенія обвинителя и *теряетъ силу* при несогласіи на то обвинителя или обвиняемаго. Такимъ образомъ, роль австрійскаго участковаго судьи распространяется больше на производство дознаній, которыя, по предположеніямъ III отдѣла коммиссіи, должны выдѣлиться у насъ по возможности изъ предварительнаго слѣдствія съ подчиненіемъ ихъ всецѣло прокурорскому надзору; въ области же предварительнаго слѣдствія эта роль въ австрійскомъ уставѣ очень ограничена отдѣльными слѣдственными дѣйствіями (по порученію слѣдователя), а для производства всего слѣдствія—постановленіемъ совѣщательной камеры и согласіемъ сторонъ. Германскій уставъ тоже предоставляетъ Amtsrichter'у (участковому единоличному судьѣ) право производства дѣйствій, образующихъ такъ называемое Vorbereitungsverfahren (нѣчто вродѣ дознанія), если послѣднія (какъ, наприм., обыскъ, выемки вещественныхъ доказательствъ, почтовой и телеграфной корреспонденціи, мѣры пресѣченія противъ обвиняемаго) принадлежатъ къ такимъ дѣйствіямъ, которыя выходятъ изъ предѣловъ власти органовъ, производящихъ дознаніе, но, именуясь «судебными слѣдственными дѣйствіями» (richterliche Urtersuchungshandlung), допускаются во время дознанія по распоряженію участковаго судьи или съ его утвержденія (§ 160 и 161—163, 166 герм. уст.). Во всякомъ случаѣ, участіе участковаго судьи въ дознаніи здѣсь шире, нежели въ австрійскомъ уставѣ. Для предварительнаго же слѣдствія имѣются органы—судебные слѣдователи, состоящіе при ландгерихтѣ (наши окружные суды) и назначаемые министромъ юстиціи на 1 годъ (§ 60 учрежд. герм. суд. уст.). Далѣе, германскій уставъ тоже разрѣшаетъ возлагать, *по опредѣленію ландгерихта,* производство предварительныхъ слѣдствій по отдѣльнымъ дѣламъ на участковыхъ судей, не *иначе,* однако, *какъ по пред-*

ложенію прокурора; а сами судебные слѣдователи могутъ тоже возложить на участковаго судью производство *отдѣльныхъ слѣдственныхъ дѣйствій*. Но *оба эти правила существенно ограничены:* на участковаго судью эти порученія ландгерихта и судебнаго слѣдователя могутъ быть возложены только въ томъ случаѣ, когда участковый судья пребываетъ не въ томъ же мѣстѣ, гдѣ состоитъ на службѣ слѣдователь. Такимъ образомъ, законодатель допускаетъ участіе участковаго судьи въ предварительномъ слѣдствіи лишь по крайней необходимости въ виду отдаленности слѣдователя отъ мѣста совершенія преступленія, почему участковому судьѣ не можетъ быть дано такого порученія въ случаѣ, если его мѣстопребываніе совпадаетъ съ мѣстомъ пребыванія слѣдователя.

Итакъ, *оба устава*, особенно германскій, *лишь терпятъ совмѣщеніе обязанностей слѣдователя и судьи*. Германскій же уставъ имѣетъ явную тенденцію по возможности ограничить это участіе судьи въ предварительномъ слѣдствіи. Ни одной минуты не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что *участковые судьи Австріи и Германіи вѣдаютъ единолично лишь ничтожнѣйшія гражданскія и уголовныя дѣла* (см. § 23 учрежд. герм. суд. уст. и § 9 п. 1 австр. уст. угол. суд.), *тогда какъ юрисдикцію нашихъ участковыхъ судей предполагается значительно расширить сравнительно съ подвѣдомственностью мировыхъ судей и даже уѣздныхъ членовъ окружнаго суда*, почему наши участковые судьи будутъ весьма обременены занятіями судебными. Наконецъ, судейскіе участки въ Австріи и Германіи очень невелики, пути сообщенія превосходны; наши же участки всегда будутъ больше по объему (иногда даже громадны, наприм., въ Вятской и Самарской губерніяхъ) и очень нерѣдко обладать дурными путями сообщенія. Слѣдовательно, то, *что терпимо* въ *Австріи и Германіи*, далеко не *можетъ быть рекомендовано для Россіи*, не говоря уже о томъ, что между самыми способами рѣшенія спорнаго вопроса тамъ и у насъ имѣется большое различіе: въ Австріи и Германіи на участковыхъ судей лишь возлагаются, *между прочимъ*, обязанности слѣдователя, они—прежде всего судьи, en passant отправляющіе функціи слѣдовательскія; у насъ же изъ нихъ хотятъ сдѣлать и судей, и слѣдователей на *началахъ равенства въ отправленіи* тѣхъ и другихъ обязанностей.

Мы полагаемъ, что если уже рѣшаться возложить на участковыхъ судей слѣдовательскія обязанности, то надлежитъ и далѣе идти по стопамъ Австріи и Германіи, т.-е. допустить и у насъ то, что смягчаетъ слабую сторону совмѣщенія въ Австріи и Германіи, а именно: *должно предоставить только слѣдователю и суду право поручать участковымъ судьямъ производство слѣдствій по отдѣльнымъ дѣламъ и отдѣльныхъ слѣдственныхъ дѣйствій*. Мы увѣрены, впрочемъ, что сама жизнь вскорѣ же возьметъ свое, т.-е. практика фактически вытѣснитъ у насъ участковыхъ судей-слѣдователей и замѣнитъ ихъ обыкновенными слѣдователями.

В. Даневскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Беллетристъ-народникъ.

(Собраніе сочиненій П. Засодимскаго).

I.

Слово «народникъ» въ настоящемъ смыслѣ его, а не въ смыслѣ преклоненія передъ народною мудростью, прикрывающаго проповѣдь византійско-монгольскихъ началъ, говоритъ о вѣрномъ и широкомъ пониманіи писателя цѣлей своего дѣла и духа времени. Конецъ XIX вѣка сдаетъ XX миссію поднять народныя массы до безбѣдной жизни, просвѣтленной знаніемъ, пасынка цивилизаціи сдѣлать равноправнымъ братомъ тѣхъ, для кого она была любящей и заботливой матерью. Народническая струя всегда сильно била въ нашей литературѣ, гораздо сильнѣе, чѣмъ въ западно-европейскихъ литературахъ, и это несмотря на сравнительную бѣдность нашей. Хотя примѣръ демократическаго духа въ народномъ творчествѣ былъ поданъ намъ съ Запада, но литературное народничество пустило на русской почвѣ болѣе глубокіе корни и разрослось гуще, чѣмъ на иныхъ почвахъ. Даже ювеналы коленкоровыхъ манишекъ, поднимающіе плачъ о томъ, что мужикъ завладѣлъ у насъ изящною литературой и въ салоны вноситъ свой запахъ полушубка и онучъ,—и тѣ, забывая, что отъ «мужицкой рѣчи развращается эстетическій вкусъ и пропадаетъ чутье красоты», считаютъ необходимымъ въ своихъ романахъ и повѣстяхъ изображать мужика, благоговѣющаго передъ благодѣтельною опекой и нравственной, и умственной и прочей, старшихъ братій. Если эти авторы сочли нужнымъ выставить своего мужика, какъ коррективъ реальному мужику народниковъ-беллетристовъ, то это какъ нельзя громче и краснорѣчивѣе свидѣтельствуетъ о томъ, что сама жизнь выдвигаетъ «мужика» на сцену литературы, что съ тѣмъ или инымъ направленіемъ его жизни кровно связано и настоящее, и будущее всего русскаго общества.

Не въ одномъ изображеніи мужика сказывается народничество, но и въ положительныхъ и отрицательныхъ герояхъ изъ интеллигенціи. Вторые, глубоко презирая мужика, сосутъ изъ него послѣдніе соки, какъ пауки, и, ради своихъ интересовъ, рады вѣчно держать его на положеніи пасынка ци-

По поводу предстоящей реформы нашего судоустройства *).

§ 5.

I. Приближеніе суда къ населенію, вызывая потребность въ мѣстныхъ судьяхъ со значительною юрисдикціей, требуетъ также организаціи въ уѣздномъ городѣ коллегіальнаго судебнаго учрежденія съ функціями апелляціонной инстанціи и ближайшаго надзора за участковыми судьями. Цѣлесообразность апелляціи, т.-е. пересмотра высшею инстанціей по существу (перевершенія) рѣшенія и приговоровъ низшей инстанціи и соотвѣтствіе ея основнымъ началамъ судопроизводства давно уже оспаривается въ доктринѣ даже для гражданскихъ дѣлъ. Въ области же уголовнаго правосудія новѣйшія законодательства, наприм., германское (§ 73, 76 и 123) и особенно австрійское (§ 13, п. 2, § 283 и 345), весьма суживаютъ апелляціонное обжалованіе (герман. уставъ допускаетъ апелляцію по уголовнымъ дѣламъ лишь на приговоры «шеффеновъ»). Во всякомъ случаѣ отмѣна апелляціи, чтобы не быть опасною для правосудія, сопряжена съ нѣкоторыми условіями, въ числѣ которыхъ играетъ главную роль требованіе, чтобы судебное рѣшеніе было постановлено коллегіей, даже въ усиленномъ составѣ (наприм., 5 членовъ, см. § 77 герм. учрежд. судебн. уст.; также «Протоколы совѣщаній» въ *Трудахъ*, т. I, стр. 69—70). Поэтому и рѣчи не можетъ быть объ уничтоженіи апелляціи для рѣшеній и приговоровъ, постановляемыхъ единоличными участковыми судьями. Апелляціонною инстанціей надъ ними должно быть коллегіальное учрежденіе, тоже по возможности близкое къ населенію, слѣдовательно,—уѣздный судъ, подъ какимъ бы названіемъ онъ ни фигурировалъ (въ схемѣ пяти отдѣловъ и на совѣщаніи его предполагалось назвать уѣзднымъ отдѣленіемъ губернскаго или окружнаго суда или съѣздомъ участковыхъ судей). Желательно также, чтобъ это уѣздное отдѣленіе служило звеномъ, связующимъ мѣстныя судебныя учрежденія съ губернскими. Съѣздъ мировыхъ судей и былъ инстанціею апелляціонной и частью кассаціонной надъ ми-

*) *Русская Мысль*, кн. II.

ровыми судьями, онъ же былъ и органомъ ближайшаго надъ ними надзора. Но въ организаціи его замѣчались два существенные недостатка: 1) онъ засѣдалъ не постоянно, а лишь періодически; это вело къ замедленію разсмотрѣнія въ немъ дѣлъ, которое далеко не парализовалось предоставленіемъ нѣкоторыхъ особыхъ правъ и функцій такъ называемому непремѣнному члену мирового съѣзда; 2) онъ не былъ, какъ извѣстно, связанъ съ ближайшими общими судебными установленіями (судебныя палаты не имѣли надъ нимъ никакой власти). Реформа, организуя уѣздныя отдѣленія, должна сдѣлать ихъ учрежденіями постоянными, непрерывнодѣйствующими, и поставить ихъ въ связь съ губернскимъ (окружнымъ) судомъ въ качествѣ уѣздныхъ отдѣленій послѣдняго. Для экономіи же въ расходахъ по содержанію уѣзднаго отдѣленія необходимо уменьшить по возможности число судей, отдѣльно для него назначенныхъ, съ привлеченіемъ въ составъ его, для образованія присутствій и правильнаго отправленія всѣхъ его функцій, участковыхъ судей, а также почетныхъ мировыхъ судей, если ихъ сохранятъ (подъ требованіемъ юридическаго образованія). При перечисленныхъ условіяхъ не представляется надобности вводить въ судебную организацію еще какихъ-нибудь должностныхъ лицъ (наприм., члена губернскаго суда—нынѣшняго уѣзднаго члена окружнаго суда) съ единоличною судебною властью, создавая для нихъ искусственную подвѣдомственность. Это привело бы къ усложненію судоустройства, затруднило бы населеніе въ отысканіи надлежащаго суда, увеличивъ недостаточно производительно расходы казны для содержанія судьи, въ существованіи котораго нѣтъ существенной необходимости. Польза отъ него заключалась бы въ томъ лишь, что онъ олицетворялъ бы собою связь между уѣзднымъ и губернскимъ судомъ, а вѣдалъ бы въ первой степени суда нѣкоторыя (немногія) дѣла, которыя переходили бы по апелляціи на него въ губернскій судъ. Но необходимая связь между уѣзднымъ отдѣленіемъ и губернскимъ судомъ можетъ быть достигнута присвоеніемъ послѣднему права надзора надъ первымъ, а также тѣмъ, что предсѣдатель уѣзднаго отдѣленія долженъ разсматриваться какъ членъ (и даже товарищъ предсѣдателя) губернскаго суда.

Установивъ эту точку зрѣнія, легче будетъ разобраться, не *вдаваясь ни въ какія подробности*, въ разнообразныхъ и нерѣдко противоположныхъ мнѣніяхъ и предположеніяхъ, которыя были высказаны на совѣщаніи и изложены въ схемахъ пяти отдѣловъ коммиссіи (подробности въ *Трудахъ*, т. I, стр. 45—55). Наиболѣе вѣрными и цѣлесообразными представляются намъ схемы III-го отдѣла коммиссіи и мнѣнія ея членовъ (ibidem, стр. 45—47, 53—54). Мы расходимся съ ними больше въ *частностяхъ*. Съѣздъ участковыхъ судей, собирающійся *періодически* въ уѣздномъ городѣ, не отвѣчаетъ требованію коллегіи мѣстнаго суда, которая должна быть способна дѣйствовать *постоянно* и *непрерывно*; для образованія суда, удовлетворяющаго этимъ двумъ качествамъ, необходимо ввести въ него *двухъ постоянныхъ и спеціальныхъ членовъ* (товарищъ предсѣдателя и не-

премѣнный членъ), а необходимый для коллегіи третій членъ можетъ быть изъ участковыхъ или почетныхъ мировыхъ судей, призываемыхъ къ участію въ засѣданіяхъ по очереди.

Особенно возможно привлеченіе въ засѣданія уѣзднаго отдѣленія участковаго городского судьи, а въ крайности и судебнаго слѣдователя; послѣднее и нынѣ практикуется окружными судами для пополненія состава коллегіи. Только при этихъ условіяхъ возможно упрочить существованіе въ уѣздѣ постоянной коллегіи, потребность въ которой ощущается потому уже, что нѣкоторыя судебныя обязанности требуютъ немедленнаго исполненія, таковы, наприм.: разрѣшенія жалобъ на слѣдственныя дѣйствія участковыхъ судей (если, конечно, послѣдніе будутъ и слѣдователями); такія жалобы не могутъ быть разрѣшаемы единоличными судьями (уѣздными членами губернскаго суда), такъ какъ населенію должна быть дана та гарантія въ ихъ обсужденіи и рѣшеніи, которая лежитъ именно въ началѣ коллегіальности. Судебное мѣсто, собирающееся періодически, не можетъ успѣшно отправлять и другія обязанности—разсмотрѣнія частныхъ жалобъ на всякія другія дѣйствія и постановленія участковыхъ судей по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ. Нѣкоторыя изъ такихъ жалобъ (наприм. на медленность судьи, нарушеніе правилъ о подсудности) требуютъ быстраго разсмотрѣнія, поручать же послѣднія единоличному судьѣ, хотя бы жалоба приносилась на распоряженіе и опредѣленіе единоличнаго же судьи, крайне неудобно. Послѣднему нельзя также передать, въ случаѣ предполагаемой отмѣны дѣйствующаго въ настоящее время порядка преданія суду, и рѣшенія вопроса о дачѣ дальнѣйшаго хода обвинительному акту прокурора или о возбужденіи пререканія о немъ; эти послѣднія функціи можетъ отправлять только коллегіальный судъ, который одинъ лишь способенъ дать достаточныя гарантіи прокурорскому надзору и обвиняемому при принятіи обвинительнаго акта, или при возбужденіи пререканія по дѣлу. Уѣздному члену губернскаго суда неудобно также предоставлять, какъ предположено въ схемѣ V отдѣла, и производство предварительнаго слѣдствія; не допустимо также предоставленіе веденія уголовныхъ дѣлъ съ присяжными одному коронному судьѣ (ibidem, стр. 47). Эти дѣла весьма важны по затрогиваемымъ ими интересамъ, и было бы непослѣдовательно «лишать ихъ тѣхъ преимуществъ коллегіальнаго разсмотрѣнія, которыя предположено предоставить гражданскимъ искамъ на сумму свыше 2,000 руб.» (ibidem). Послѣднее мнѣніе, впрочемъ, подлежитъ оспариванію (см. наше изслѣдованіе—*Приготовительныя къ суду распоряженія*, а также *Труды*, т. I, стр. 68 — 69), такъ какъ при расширеніи понятія о приготовительныхъ къ суду распоряженіяхъ, принимаемыхъ коллегіей, и съ *упрощеніемъ постановки вопросовъ на судѣ присяжныхъ* возможно, по нашему мнѣнію, безъ вреда для правосудія, поручить веденіе дѣла на судѣ присяжныхъ одному коронному судьѣ, какъ это практикуется съ успѣхомъ въ Англіи. Что же касается связи мѣстной юстиціи съ уѣздною и губернскою, то она достигалась бы введеніемъ участковыхъ судей въ уѣздное отдѣленіе гу-

бернскаго суда и предсѣдательствомъ въ послѣднемъ одного изъ членовъ губернскаго суда на правахъ товарища его предсѣдателя. Вполнѣ возможно объединеніе всѣхъ трехъ ступеней судебной организаціи и въ дисциплинарномъ отношеніи: ближайшій надзоръ за участковыми судьями принадлежалъ бы уѣздному отдѣленію, а за послѣднимъ—губернскому суду. Такимъ образомъ, единоличному уѣздному члену губернскаго суда «не остается никакихъ функцій». Онъ и не отвѣчаетъ (ibidem, стр. 53—54) той роли, которая на него возлагается. Для установленія звена, связующаго мѣстныхъ судебныхъ дѣятелей (участковыхъ судей) и совокупность другихъ высшихъ судебныхъ установленій, необходимо, чтобы уѣздная инстанція была органомъ надзора за дѣятельностью участковыхъ судей. Но «надзоръ и нравственное руководство неудобно ввѣрять единоличному судебному установленію». Предполагаемое же коллегіальное учрежденіе (составъ его указанъ выше) явилось бы «первымъ этажомъ зданія собственно коллегіальныхъ судебныхъ установленій» и объединило бы въ общей дѣятельности общія судебныя учрежденія, существующія и нынѣ, съ мировыми (участковыми) судьями. Въ какихъ же размѣрахъ должна вращаться компетенція этихъ коллегіальныхъ учрежденій? Схема III отдѣла предложила систему, согласно которой они должны быть: 1) апелляціонною инстанціей по дѣламъ, рѣшеннымъ участковыми (мировыми) судьями, 2) первою инстанціей для дѣлъ, изъятыхъ изъ вѣдѣнія единоличныхъ судей и не отнесенныхъ къ исключительной подвѣдомственности окружнаго (губернскаго) суда; слѣдовательно, въ уголовной юстиціи дѣла съ присяжными и безъ присяжныхъ. А такъ какъ III отдѣлъ коммиссіи отвергъ въ принципѣ апелляцію (по уголовнымъ дѣламъ) на рѣшенія коллегіальныхъ судовъ, то всѣ дѣла, рѣшенныя уѣзднымъ отдѣленіемъ, могли бы подлежать лишь кассаціонному обжалованію. Второе изъ проведенныхъ положеній представляется намъ вполнѣ пріемлемымъ по тому соображенію, что разсматриваемое коллегіальное учрежденіе совмѣщаетъ въ себѣ всѣ существенныя условія, дающія возможность, безъ опасности для правъ гражданъ и интересовъ правосудія, поручить ему рѣшеніе серьезныхъ дѣлъ: 1) коллегіальность, 2) юридическое образованіе всѣхъ членовъ коллегіи, 3) особенная опытность предсѣдателя—члена высшаго суда. Единственною серьезною опасностью, угрожающею осуществленію этой наиболѣе раціональной организаціи, является финансовая сторона. Имѣется справка, изъ которой видно, что уѣздное отдѣленіе съ двумя постоянными должностными лицами на 60 губерній Европейской Россіи, при окладѣ всего въ 3,000 руб. для каждаго изъ нихъ, потребуетъ «излишняго расхода около 4 милліоновъ» (*Труды*, стр. 54). Но этотъ расходъ (см. стр. 59) можетъ быть уменьшенъ довольно значительно, если уменьшить число и личный составъ судебныхъ палатъ (см. ниже), а также и личный составъ окружныхъ (губернскихъ) судовъ, въ которыхъ, за перенесеніемъ центра тяжести судебной дѣятельности въ уѣздъ, куда отойдутъ многія дѣла изъ губернскаго суда, количество дѣлъ должно уменьшиться, хотя бы даже въ губернскіе суды и были переданы

нѣкоторыя изъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ въ настоящее время судебнымъ палатамъ (*Труды*, стр. 62). Но никоимъ образомъ нельзя, ни ради сбереженія расходовъ, ни для иныхъ цѣлей, расширять территоріальную единицу коллегіальнаго отдѣленія на нѣсколько уѣздовъ, какъ предлагалъ одинъ изъ членовъ совѣщанія (*Труды*, стр. 50 и 61), допускавшій даже всего 4 — 5 уѣздныхъ отдѣленій въ губерніяхъ, состоящихъ обыкновенно изъ 10—15 уѣздовъ. Такое территоріальное распространеніе мѣстныхъ отдѣленій за естественныя ихъ границы значительно удалило бы судъ отъ населенія и, наваливъ на составъ суда непомѣрную работу, вынудило бы, для противодѣйствія медленности производства, значительно увеличить наличный составъ отдѣленія.

Совѣщаніе не затронуло вопроса о предоставленіи уѣзднымъ отдѣленіямъ роли кассаціонной инстанціи по немногимъ дѣламъ, въ которыхъ участковые судьи получили бы право постановлять приговоры и рѣшенія окончательные, т.-е. не подлежащіе апелляціонному обжалованію. Мировые съѣзды имѣли, хотя и очень ограниченныя, кассаціонныя функціи по дѣламъ, вѣдавшимся единоличною властью мировыхъ судей. Вопросъ можетъ быть разрѣшенъ двояко: 1) у участковыхъ судей, какъ у *власти единоличной*, можно отнять вообще право постановлять окончательныя рѣшенія и приговоры, т.-е. можно подчинить апелляціонному обжалованію всякое ихъ рѣшеніе. Практически такое правило, неизвѣстное ни судебнымъ уставамъ, ни законоположеніямъ 12 іюля и 29 декабря 1889 г., не затруднитъ уѣздныя отдѣленія по той простой причинѣ, что такихъ рѣшеній и приговоровъ можетъ быть лишь очень немного, а гражданамъ будетъ дана гарантія обжалованія по существу всякихъ рѣшеній и приговоровъ, постановленныхъ единоличными судами. 2) Обратное рѣшеніе вопроса, т.-е. сохраненіе дѣйствующаго порядка, приводитъ къ необходимости изыскать кассаціонную инстанцію для такихъ дѣлъ. Ближайшая, конечно,—уѣздное отдѣленіе, состоящее притомъ изъ судей-юристовъ. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что часть кассаціоннаго производства цѣлесообразнѣе сосредоточить въ палатахъ (см. ниже), а въ такомъ случаѣ возникаетъ новый вопросъ—не слишкомъ ли расплодятся кассаціонныя судилища, число которыхъ увеличивается съ двухъ (сенатъ и судебныя палаты) на три? Намъ думается, что для избѣжанія размноженія кассаціонныхъ судовъ и для охраненія единообразія въ примѣненіи и истолкованіи закона желательнѣе рѣшеніе вопроса въ первомъ смыслѣ, т.-е. провозглашеніе въ законѣ положенія, что всѣ рѣшенія и приговоры участковыхъ судей суть не окончательные и подлежатъ обжалованію въ уѣздное отдѣленіе.

Вообще же относительно ближайшей организаціи уѣзднаго коллегіальнаго судебнаго установленія высказаны были въ схемахъ и на совѣщаніи различныя мнѣнія, которыя коротко сведены министромъ юстиціи къ 4 группамъ: 1) по составу — одни требовали перемѣннаго его состава, изъ *подвижныхъ членовъ* (участковаго судьи и почетнаго мирового), другіе — *постояннаго* изъ 3 и 2 членовъ; 2) по *предсѣдателю коллегіи*: по мнѣнію

однихъ — уѣздный членъ (или товарищъ предсѣдателя) губернскаго суда, съ присвоеніемъ ему и единоличной судебной власти; по мнѣнію другихъ— товарища предсѣдателя губернскаго суда или иное назначаемое для этого лицо, но безъ единоличной судебной власти; 3) *по іерархіи*—одни полагали установить между уѣздною коллегіей и губернскимъ судомъ возможно болѣе тѣсную связь, чтобы первая являлась лишь какъ бы делегаціей губернскаго суда; по мнѣнію же другихъ—уѣздная коллегія можетъ быть совершенно самостоятельнымъ учрежденіемъ, связаннымъ съ губернскимъ судомъ только въ порядкѣ инстанціонномъ; 4) *по кругу вѣдомства* она должна быть только апелляціонною инстанціей по жалобамъ на приговоры и рѣшенія участковыхъ судей, другіе же хотѣли видѣть въ ней и первую судебную инстанцію (*Труды*, т. I, стр. 76--77).

II. *Губернскій* (окружной) *судъ*. О немъ высказаны были въ схемахъ и на совѣщаніи тоже весьма разнообразныя сужденія (*Труды*, стр. 56—62). Раздавались даже голоса противъ переименованія судовъ окружныхъ въ губернскіе: полагали, что введеніе окружнаго суда въ рядъ губернскихъ учрежденій и наименованіе его губернскимъ судомъ «можетъ лишить его необходимой для судебнаго мѣста самостоятельности, поставивъ его подъ контроль власти губернатора» (ibidem, стр. 58); «такая опасность сдѣлается особенно сильною въ случаѣ уничтоженія судебныхъ палатъ» (ibidem). Суть дѣла, конечно, не въ названіяхъ, даваемыхъ учрежденію, хотя нельзя не замѣтить, что названіе «судъ губернскій» оказалось бы удобнымъ *въ* значительномъ *большинствѣ случаевъ*, такъ какъ *почти всѣ* маленькіе окружные суды, существующіе въ настоящее время въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ и распространяющіе свою дѣятельность на нѣсколько уѣздовъ иногда различныхъ губерній, могли бы быть уничтожены, а въ такомъ случаѣ окружные суды чаще всего совпали бы съ губернскими городами и, по существу, сдѣлались бы именно губернскими. Сказанное приводитъ къ необходимости обсужденія второго вопроса: *нужно ли ввести въ законъ общее правило о совпаденіи судебнаго территоріальнаго дѣленія съ административнымъ?* Большинство голосовъ высказалось *противъ* такого совпаденія, приводящаго къ уничтоженію дѣйствующаго порядка (имѣется не мало окружныхъ судовъ въ уѣздныхъ городахъ: такъ, Череповецкій въ Новгородской губ., Сумскій, захватывающій нѣсколько уѣздовъ Харьковской и 2 уѣзда Курской губ., Изюмскій—въ Харьковской же и т. д.). Утверждали, что полное совпаденіе территоріи окружнаго суда съ губерніей *нежелательно и неполезно:* строгое примѣненіе этого правила неизбѣжно отдалило бы судъ отъ населенія, такъ какъ упраздненіе окружныхъ судовъ въ уѣздныхъ городахъ сдѣлало бы для населенія весьма затруднительнымъ обращеніе къ судебной защитѣ во многихъ мѣстностяхъ, особенно же въ губерніяхъ съ обширнымъ пространствомъ (наприм., Вятская или Пермская), или имѣющихъ губернскій городъ гдѣ-нибудь въ углу, близъ границы (наприм., въ Саратовской или Полтавской); нѣкоторые крупные центры (наприм., Таганрогъ), не зачисленные въ разрядъ губернскихъ городовъ,

лишились бы необходимаго для нихъ органа судебной власти; въ другихъ мѣстностяхъ (наприм., на Кавказѣ) потребовалось бы учредить нѣсколько новыхъ губернскихъ судовъ, такъ какъ нѣкоторые окружные суды захватываютъ тамъ по двѣ губерніи; можно также ожидать лишенія губернскаго суда необходимой самостоятельности съ подпаденіемъ его подъ контроль губернатора,—наконецъ, по соображеніямъ административнымъ, чуждымъ судебному вѣдомству, предпринимаются иногда измѣненія въ территоріальныхъ границахъ административныхъ округовъ, за которыми должны будутъ, однако, воспослѣдовать и соотвѣтствующія измѣненія въ территоріи судебныхъ округовъ (*Труды*, стр. 57—58). Меньшинство же, напротивъ того, доказывало, что совпаденіе территорій окружнаго суда и губерніи *полезно для судебныхъ мѣстъ*, такъ какъ облегчитъ имъ сношенія съ губернскими правительственными установленіями, а *также для публики*, потому что въ губернскихъ городахъ тяжущіеся могутъ найти нужныя имъ справки и образованныхъ, опытныхъ повѣренныхъ; *опасности же удаленія правосудія отъ населенія быть не можетъ*, такъ какъ расширеніе компетенціи участковыхъ судей и образованіе уѣздной судебной инстанціи весьма значительно приблизитъ юстицію къ населенію (*Труды*, стр. 56). Нѣкоторые утверждали даже, что «существованіе окружныхъ судовъ въ уѣздныхъ городахъ *принижаетъ* значеніе ихъ, приравнивая его къ властямъ уѣзднымъ» (ibidem). Послѣднее мнѣніе, впрочемъ, не оправдывается опытомъ: такихъ судовъ у насъ не мало, но они всюду почти пользуются должнымъ авторитетомъ и скорѣе даже повышаютъ, благодаря высокому служебному положенію предсѣдателя, прокурора и членовъ суда, значеніе суда въ глазахъ уѣздной, т.-е. низко поставленной (за исключеніемъ предводителя дворянства) администраціи. Что же касается до указанія на опасность, то ея дѣйствительно не можетъ быть при томъ условіи, что *каждый уѣздъ* будетъ имѣть свое особое уѣздное отдѣленіе не только въ качествѣ суда апелляціоннаго, но и въ роли суда I степени (см. § IV). Въ такомъ случаѣ громадное большинство дѣлъ уйдетъ изъ губерніи, а въ губернскій судъ направятся лишь важнѣйшія гражданскія дѣла, затрогивающія интересы лицъ богатыхъ, которые не затруднятся ѣздою въ губернскій городъ и обратятся, въ виду цѣнности ихъ дѣлъ, къ повѣренному въ губернскомъ городѣ. Изъ дѣлъ же уголовныхъ къ губернскому суду отойдутъ тоже немногія, особой важности, разсмотрѣніе которыхъ подальше, внѣ мѣстныхъ вліяній, даже желательно въ интересахъ правосудія и государственной власти. Остальныя удобства отъ совпаденія территорій тоже безспорны и имѣютъ значеніе практическое. Остается, въ сущности, одно вѣское возраженіе противниковъ: указаніе на обширность нѣкоторыхъ губерній и на важность кое-какихъ центровъ (наприм., Таганрогъ). Съ этими указаніями должно считаться, поэтому правильнымъ намъ казалось бы признать въ принципѣ совпаденіе окружнаго суда съ губерніей, но *допустить* въ *видѣ рѣдкаго исключенія*, послѣ оцѣнки всѣхъ особенностей даннаго положенія на мѣстѣ, и *отступленіе отъ указан-*

наго правила, т.-е. сохранить окружные суды въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на-ряду съ губернскими. При такихъ условіяхъ нѣкоторые изъ существующихъ маленькихъ судовъ могутъ быть закрыты.

Третій вопросъ — о компетенціи губернскаго суда — вызвалъ еще бо́льшія разногласія. Одни желали ограничить ее разсмотрѣніемъ нѣкоторыхъ дѣлъ въ I инстанціи и разрѣшеніемъ апелляцій на рѣшенія и приговоры единоличнаго судьи (уѣзднаго члена губернскаго суда или товарища предсѣдателя его въ уѣздномъ отдѣленіи; ibidem, стр. 60—61). Другіе же находили, что иски *о недвижимости цѣною до 2,000 руб.* могутъ быть съ удобствомъ переданы участковымъ судьямъ; такой порядокъ существуетъ на Кавказѣ, гдѣ такіе иски успѣшно разрѣшаются мировыми судьями (ibidem, стр. 59—61); поэтому, губернскій судъ долженъ быть лишь I инстанціею для гражданскихъ дѣлъ на сумму болѣе 2,000 рублей (такихъ исковъ не болѣе $^1/_3$ всѣхъ гражданскихъ дѣлъ). Такимъ образомъ, судами первой степени явились бы лишь участковые судьи и губернскіе суды. Въ области же уголовнаго правосудія къ вѣдомству этого суда можно бы отнести дѣла, которыя, по проекту V отдѣла, отведены судебной палатѣ, именно—по преступленіямъ государственнымъ, противъ печати и нѣкоторымъ преступленіямъ по должности (ст. 1030, 1213[3] и 1073 Уст. угол. суд.). Третье мнѣніе, расширяя компетенцію губернскихъ судовъ, предполагало поручить имъ и кассаціонныя функціи по дѣламъ, подвѣдомственнымъ участковымъ судьямъ; но при такой сложности обязанностей губернскаго суда въ немъ пришлось бы учредить не менѣе двухъ гражданскихъ и столько же уголовныхъ отдѣленій (ibidem, стр. 61). Наконецъ, четвертое мнѣніе имѣло въ виду предоставить губернскому суду функціи обвинительной камеры (вѣдаются въ настоящее время судебными палатами), т.-е. по разрѣшенію вопросовъ о преданіи суду, а въ случаѣ отмѣны этой нынѣ обязательной процедуры — разсмотрѣніе жалобъ на обвинительные акты (ibidem, стр. 62).

Мы упомянули уже о возможности уничтоженія апелляціи противъ уголовныхъ приговоровъ, постановленныхъ коллегіей; за это высказались схема III отдѣла, всѣ старшіе предсѣдатели и пять прокуроровъ судебныхъ палатъ. По нашему мнѣнію, для этого необходимо лишь, чтобы приговоръ постановленъ былъ коллегіей въ усиленномъ составѣ (*Труды,* стр. 69). Но такъ какъ относительно гражданскихъ дѣлъ этотъ вопросъ далеко еще не рѣшенъ окончательно въ доктринѣ, то было бы рискованно въ настоящее время отмѣнить апелляцію по гражданскимъ дѣламъ, съ чѣмъ согласилось и значительное большинство совѣщанія.

Въ виду же гражданско-экономическаго и государственнаго значенія недвижимой собственности *намъ представляется необходимымъ передать всѣ иски о ней въ вѣдѣніе коллегіальнаго суда,* т.-е. уѣзднаго отдѣленія; оно же можетъ вѣдать, въ качествѣ I инстанціи, и иные иски, изъятые изъ вѣдѣнія участковыхъ судей. Такимъ образомъ, губернскіе суды должны бы быть апелляціонною инстанціей для гражданскихъ дѣлъ, вѣдаемыхъ

уѣздными отдѣленіями по I степени суда, а I инстанціями лишь для самыхъ крупныхъ исковъ. Предоставлять же губернскимъ судамъ кассаціонныя функціи, по нашему мнѣнію, не слѣдуетъ по соображеніямъ, которыя будутъ ниже изложены. Равнымъ образомъ должны подлежать разсмотрѣнію судебной палаты жалобы на привлеченіе (преданіе) суду, такъ какъ близость губернскаго суда къ жизни губерніи (*Труды,* стр. 58) «не всегда позволитъ ему быть вполнѣ независимымъ отъ общественныхъ настроеній и вліяній мѣстныхъ партій», а положеніе губернской прокуратуры по отношенію къ губернскому суду было бы ненормально, если бы послѣдній вѣдалъ жалобы на ея дѣйствія и распоряженія. Что же касается, наконецъ, до дѣлъ уголовныхъ, то, соглашаясь въ цѣломъ съ вышеизложеннымъ, полагаемъ, однако, что изъ числа означенныхъ тамъ дѣлъ преступленія государственныя должно отнести къ вѣдѣнію судебныхъ палатъ, какъ особо авторитетныхъ областныхъ судовъ, пользующихся наибольшимъ довѣріемъ правительства, если признано будетъ неудобнымъ сосредоточить ихъ въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ сената; палатамъ же можно передать и важнѣйшія изъ преступныхъ дѣяній противъ порядка управленія, еслибъ оказалось затруднительнымъ составить списокъ «спеціальныхъ присяжныхъ» въ губернскихъ городахъ (объ организаціи суда по этимъ дѣламъ см. нашу статью въ *Русск. Мысли* 1895 г., кн. I и II).

III. *Судебныя палаты.* Относительно этихъ высшихъ областныхъ судебныхъ установленій возникъ вопросъ о дальнѣйшемъ ихъ существованіи. Выработанныя отдѣлами схемы и мнѣнія членовъ совѣщанія раздѣлились на три группы: 1) Схема IV отдѣла (гражд. судопр.), коммиссіи и мнѣніе нѣкоторыхъ членовъ совѣщанія высказались не только за сохраненіе судебныхъ палатъ, но и за оставленіе въ существѣ безъ измѣненій нынѣшней ихъ юрисдикціи. 2) Схема же III отдѣла (угол. судопр.) и 4 изъ гг. прокуроровъ палатъ (*Труды*, стр. 64—65) оказались рѣшительными сторонниками полнаго упраздненія судебныхъ палатъ, съ передачею всей юрисдикціи ихъ губернскимъ судамъ, а функціи ихъ по судебному надзору—предсѣдателямъ и прокурорамъ судовъ I разряда, которые должны быть учреждены въ болѣе значительныхъ городахъ (съ наименованіемъ этихъ должностныхъ лицъ старшими предсѣдателями и областными прокурорами). 3) Схема V отдѣла и большинство членовъ совѣщанія выставили среднее, примиряющее мнѣніе. Судебныя палаты должны быть сохранены, но необходимо значительно сузить кругъ ихъ вѣдомства и личный составъ каждой изъ нихъ. Мнѣніе, благопріятное вообще судебной палатѣ, опиралось на многихъ, безспорно вѣскихъ доводахъ. Палаты необходимы: 1) въ качествѣ кассаціонной инстанціи по дѣламъ, подвѣдомственнымъ участковымъ судьямъ; 2) инстанціи апелляціонной по гражданскимъ дѣламъ, разсматриваемымъ губернскимъ судомъ въ качествѣ суда I инстанціи; 3) въ качествѣ обвинительной камеры, а въ случаѣ отмѣны обряда преданія суду въ видѣ инстанціи, вѣдающей жалобы на обвинительные акты, т.-е. на привлеченіе къ суду, а также разногласія по вопросу о преданіи суду, которыя могутъ

возникнуть между губернскимъ судомъ и прокурорскимъ надзоромъ; 4) для разрѣшенія нѣкоторыхъ уголовныхъ дѣлъ особой важности, напримѣръ, о преступленіяхъ государственныхъ и по должности VIII—V классовъ; 5) для осуществленія функцій по надзору за судебными мѣстами и должностными лицами судебнаго вѣдомства въ области. Возложеніе послѣднихъ функцій на органы единоличные—едва ли возможно, такъ какъ многіе вопросы по надзору, или дисциплинарнаго свойства, требуютъ непремѣнно *коллегіальнаго* обсужденія; 6) наконецъ, всѣ эти соображенія подкрѣпляются еще и доводомъ судебно-политическаго свойства: палаты сослужили большую службу судебному вѣдомству, явившись въ теченіе 30 лѣтъ «оплотомъ значенія, авторитета и достоинства судебной власти» (*Труды*, стр. 63—64), защищавшимъ, добавимъ отъ себя, нерѣдко суды отъ давленія и вмѣшательства администраціи. Противники же судебныхъ палатъ, предлагая ихъ упраздненіе, исходили прежде всего изъ *фискальныхъ соображеній*: палаты обходятся дорого (около $1^1/_2$ милл. руб. ежегодно), эту сумму можно съ пользой употребить на другія, болѣе производительные расходы, связанные съ введеніемъ предполагаемыхъ судоустройственныхъ реформъ. Судебныя палаты, далѣе, удаляютъ судъ отъ населенія, а задача реформы—по возможности приблизить его къ нему. Уголовныя же дѣла могутъ быть переданы частью въ губернскіе суды (наприм., преступленія противъ печати и должностныя), частью же (государственныя) въ правительствующій сенатъ. Идея же объединенія кассаціоннаго производства тоже требуетъ сосредоточенія всѣхъ кассаціонныхъ жалобъ и протестовъ въ сенатѣ. Такимъ образомъ, за палатами остались бы лишь апелляціонныя жалобы по гражданскимъ дѣламъ. Но, по мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ совѣщанія (*Труды*, стр. 65), не представляется достаточныхъ основаній для сохраненія апелляціи и для этихъ дѣлъ, такъ какъ въ окружномъ судѣ стороны «умышленно» не представляютъ всѣхъ имѣющихся у нихъ доказательствъ, почему de facto судебныя палаты являются по гражданскимъ дѣламъ «какъ бы первою и единственною инстанціей по дѣлу».

А если даже допустить отступленіе отъ начала полнаго объединенія кассаціоннаго производства въ кассаціонномъ сенатѣ, то было бы цѣлесообразно перенести разсмотрѣніе кассаціонныхъ жалобъ и протестовъ на окончательные приговоры и рѣшенія единоличныхъ участковыхъ судей въ губернскіе суды. Въ случаѣ же сохраненія обвинительныхъ камеръ, послѣднія, съ пользою для населенія, могутъ быть учреждены то же въ составѣ губернскихъ судовъ; и въ обоихъ случаяхъ «все судебное зданіе было бы ближе придвинуто къ населенію (*Труды*, стр. 66). Наконецъ, если и сохранить апелляцію въ гражданскихъ дѣлахъ, то ее можно было бы разсматривать въ «окружныхъ судахъ I разряда» (въ столицахъ и болѣе значительныхъ центрахъ); при нихъ можно было бы учредить «особыя присутствія» для надзора, съ правами и обязанностями дисциплинарнаго суда, съ присвоеніемъ предсѣдателямъ этихъ судовъ перваго разряда и

ихъ прокурорамъ правъ по руководительскому надзору, которымъ пользуются старшіе предсѣдатели и прокуроры палатъ (*Труды*, стр. 66—67).

Сопоставляя разсужденія защитниковъ и противниковъ судебныхъ палатъ, мы приходимъ къ заключенію, что доводы противниковъ—слабѣе соображеній сторонниковъ судебныхъ палатъ. Расходъ на палаты не такъ уже великъ (до $1^1/_2$ милліона), чтобъ изъ-за него лишь уничтожить учрежденіе, если только оно полезно. Съ уменьшеніемъ же числа и личнаго состава палатъ, которое вполнѣ возможно въ виду ожидаемаго отпаденія отъ нихъ апелляціоннаго производства по уголовнымъ дѣламъ и уничтоженія обязательнаго обряда преданія суду, расходъ на ихъ содержаніе значительно уменьшится. Польза же ихъ сохраненія далеко не опровергнута соображеніями противниковъ. Такъ, необходимость и цѣлесообразность отмѣны апелляціи по гражданскимъ дѣламъ—еще очень спорна, а если апелляція по нимъ, какъ надо полагать, сократится, то кому же, какъ не палатамъ, вѣдать ее надъ рѣшеніями губернскихъ судовъ? Приближеніе суда къ населенію, конечно, одна изъ существеннѣйшихъ цѣлей реформы. Но идею «приближенія» нельзя же «pousser à outrance» и ради нея жертвовать другими выгодами и добрыми сторонами учрежденія. Абсолютное приближеніе и немыслимо провести съ полною послѣдовательностью, такъ какъ въ такомъ случаѣ пришлось бы уничтожить и кассаціонные департаменты сената, какъ очень далекія отъ населенія. Существованіе же палатъ, какъ кассаціонныхъ инстанцій надъ окончательными рѣшеніями и приговорами уѣздныхъ отдѣленій, въ достаточной степени приближаетъ къ населенію кассаціонный судъ по значительному числу дѣлъ повседневнаго житейскаго обихода и въ то же время изъемлетъ ихъ изъ вѣдѣнія губернскаго суда (какъ кассаціонной инстанціи), менѣе авторитетнаго въ глазахъ населенія, слишкомъ уже къ нему близкаго для кассаціоннаго суда по дѣламъ иногда *средней* важности. Государственныя преступленія, конечно, можно передать въ сенатъ, многія преступленія противъ должности въ губернскій судъ, но нѣкоторыя преступленія противъ порядка управленія приличнѣе всего оставить за палатами. Послѣднимъ и возможно только передать высшій надзоръ за всѣми судебными установленіями и дисциплинарныя функціи въ области, такъ какъ намъ не представляется особенно удачною мысль о предоставленіи ихъ единоличной власти прокуроровъ и старшихъ предсѣдателей какихъ-то окружныхъ (губернскихъ) судовъ I разряда. Судебный надзоръ тогда лишь достаточно авторитетенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ недеспотиченъ, когда онъ вѣдается *коллегіей;* власть по руководительскому надзору предсѣдателей и прокуроровъ палатъ и теперь уже достаточно велика, увеличивать же ее или переносить центръ ея тяжести съ коллегіи на одно лицо—равносильно созданію изъ гг. старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ какихъ-то судебныхъ генералъ-губернаторовъ, чего, какъ извѣстно, тщательно избѣгали составители судебныхъ уставовъ, довѣрявшіе больше коллегіи, чѣмъ единоличной судебной или прокурорской власти. Суды I разряда въ составѣ губернскихъ явятся

чѣмъ-то очень своеобразнымъ: они не будутъ ни нынѣшними палатами, ни настоящими (и будущими) окружными судами; одного ранга съ другими губернскими (окружными) судами, они явятся въ то же время органами надзора (въ лицѣ ихъ предсѣдателей и прокуроровъ) и дисциплинарнаго производства надъ другими такими же судами. На организацію же судовъ I разряда тоже потребуются лишніе расходы, о сокращеніи которыхъ такъ хлопочутъ, когда рекомендуютъ уничтоженіе судебныхъ палатъ.

IV. *Кассаціонный сенатъ.* Возникло серьезное разногласіе по принципіальному вопросу объ отступленіи отъ начала единства кассаціоннаго суда посредствомъ раздѣленій его функцій между сенатомъ и другими судилищами, напримѣръ, палатами и губернскими судами (*Труды*, стр. 70—75). Еще въ § III мы указывали на возникновеніе среди составителей Судебныхъ Уставовъ мысли, въ то время отвергнутой, о раздѣленіи кассаціонныхъ функцій между сенатомъ и судебными палатами. Тѣмъ не менѣе, идея единства и тогда уже не могла быть проведена съ полною послѣдовательностью, такъ какъ за многочисленными съѣздами мировыхъ судей были признаны кассаціонныя функціи по окончательнымъ рѣшеніямъ и приговорамъ мировыхъ судей. Со введеніемъ же судебныхъ уставовъ въ Закавказьѣ сдѣлано было еще большее отступленіе отъ идеи единства по соображеніямъ практическаго удобства для сбереженія времени, приближенія суда къ населенію и изъ опасенія обременить сенатъ множествомъ дѣлъ. Тифлисская судебная палата (см. п. III § V) является для многихъ дѣлъ кассаціоннымъ судомъ, совершенно вытѣснившимъ кассаціонный департаментъ сената.

Схема V отдѣла высказалась за дробленіе кассаціонныхъ функцій между сенатомъ, губернскими судами и судебными палатами. На совѣщаніи указано было и на то, что предположеніе о дробленіи этихъ функцій вновь возникло, какъ при преобразованіи кассаціоннаго сената въ 1877 году, такъ и въ запискѣ бывшаго министра юстиціи (отъ 6 марта 1893 года; см. подробно *Подготовительные матеріалы*, т. II, стр. 9—10, и особое мнѣніе сенатора барона Икскуля фонъ-Гильденбандта, ibidem, стр. 139—140 и стр. 161—169).

На совѣщаніи мнѣнія раздѣлились почти пополамъ. Замѣтимъ, однако, что сторонники сосредоточенія всей кассаціонной дѣятельности въ вѣдѣніи сената все же допускали отступленіе отъ этого начала для дѣлъ, окончательно разрѣшаемыхъ участковыми судьями. Въ основаніе идеи строгаго объединенія положено то соображеніе, что кассаціонный судъ долженъ разъяснять точный смыслъ законовъ (*Труды*, стр. 72) и притомъ единообразно; при раздробленіи же кассаціонныхъ функцій между разными судами возможны разнорѣчія въ кассаціонной практикѣ. Значеніе послѣдняго аргумента, впрочемъ, ослаблялось защитниками дробленія, обратившими вниманіе на то, что въ практикѣ кассаціоннаго сената «встрѣчается не мало противорѣчивыхъ рѣшеній». Наиболѣе вѣское мнѣніе среди противниковъ сводилось къ тому, что *дробленіе нежелательно* не столько ради

установленія единообразія практики, сколько *по самой сущности кассаціоннаго производства*: раздѣленіе кассаціонныхъ функцій, смотря по тому, въ какомъ судѣ постановлены рѣшеніе или приговоръ по дѣлу, едва ли правильно, такъ какъ «важность и сложность возникающихъ вопросовъ находятся внѣ всякой зависимости отъ подвѣдомственности дѣла тому или другому судебному установленію» (*Труды*, стр. 72—73). Напримѣръ, многія кассаціонныя рѣшенія по самымъ серьезнымъ вопросамъ матеріальнаго права или процесса послѣдовали по дѣламъ мировой юстиціи, а многіе изъ такихъ вопросовъ только и могутъ возникать по дѣламъ, разсматриваемымъ въ низшихъ судебныхъ установленіяхъ. Наконецъ, оставленіе сената въ положеніи единаго кассаціоннаго суда по всѣмъ дѣламъ, *кромѣ самыхъ маловажныхъ*, было бы, по мнѣнію другого члена совѣщанія, «вполнѣ соотвѣственно особому историческому значенію сената въ понятіяхъ народа», который видитъ въ немъ охранителя «нелицепріятной правды и законности» (ibidem, стр. 74—75).

Безпристрастно оцѣнивая всю аргументацію, нельзя не обратить вниманія на тотъ знаменательный фактъ (см. мнѣніе сенатора фонъ-Гильденбандта—*Матер.*, т. II, стр. 161), что *сами составители Судебныхъ Уставовъ, допуская подачу въ сенатъ кассаціонныхъ жалобъ по дѣламъ мировой юстиціи, не предполагали поступленія ихъ въ значительномъ числѣ* (см. мотивы къ ст. 189 Уст. гражд. суд.); скорѣе, наоборотъ, *думали*, ссылаясь на примѣры Франціи, *что такихъ жалобъ будетъ въ Россіи очень мало*. Но такъ какъ у насъ не оказалось тѣхъ условій, которыя были на-лицо во Франціи, т.-е. ни достаточной опредѣленности закона и строгаго къ нему уваженія жителей, ни ясныхъ и точныхъ юридическихъ нормъ, выработанныхъ вѣковою доктриной и судебною практикой, то предположенія составителей Судебныхъ Уставовъ оказались совершенно ошибочными. Жалобы по дѣламъ мировыхъ установленій посыпались въ сенатъ многими тысячами, очень обезсилили это высшее учрежденіе и вынудили законодателя принять цѣлый рядъ мѣръ (предъ изданіемъ законоположеній 29 іюля и 29 декабря 1889 г.) для устраненія этой бѣды—увеличеніе состава департаментовъ сената, раздѣленіе его на присутствіе отдѣленій и департамента, замѣна подробныхъ опредѣленій краткими резолюціями (Ibid., стр. 161—162) и т. п. Всѣ эти палліативы, изъ которыхъ нѣкоторые, наприм., раздробленіе сената на многія отдѣленія и такъ называемыя «краткія резолюціи», далеко не способны поддержать ни единства, ни высокаго авторитета кассаціоннаго суда, причинивъ несомнѣнный вредъ учрежденію, лишь уменьшили неблагопріятныя условія обремененія сената, но, въ концѣ-концовъ, не привели къ дѣйствительному и существенному искорененію зла (Ibidem, стр. 162—163). Постоянное и упорное возникновеніе предположеній о дробленіи кассаціонныхъ функцій сената, несмотря на неоднократное отклоненіе ихъ законодателемъ, указываетъ, во всякомъ случаѣ, на то, что палліативы не дали существенныхъ результатовъ и что потребны коренныя преобразованія, а именно передача въ вѣдѣніе судебной палаты кассаціон-

наго производства по дѣламъ мировыхъ учрежденій (со введеніемъ же предполагаемой реформы по дѣламъ, рѣшеннымъ уѣздными отдѣленіями въ качествѣ апелляціонной инстанціи). Никакого удара «единству» кассаціонной практики такая реформа не причинитъ, такъ какъ у насъ «не было и въ настоящее время нѣтъ такого единства»: никакого сосредоточенія въ сенатѣ кассаціонныхъ дѣлъ нѣтъ, такъ какъ мировые и уѣздные съѣзды вѣдаютъ кассаціонныя жалобы на окончательныя рѣшенія мировыхъ судей, земскихъ начальниковъ и городскихъ судей, а въ Закавказьѣ кассаціонную инстанцію составляетъ судебная палата (мы не касаемся уже совершенно ненормальнаго учрежденія 36-ти кассаціонныхъ инстанцій въ видѣ губернскихъ присутствій). Ясно, что въ «принципѣ сосредоточенія въ сенатѣ всего кассаціоннаго производства сдѣлана была брешь при самомъ введеніи Судебныхъ Уставовъ, а съ тѣхъ поръ она постоянно расширялась (Ibidem, стр. 164). И не будетъ ли послѣдовательнѣе и цѣлесообразнѣе поставить теперь вопросъ ребромъ и передать кассаціонное производство по дѣламъ, разрѣшеннымъ уѣздными отдѣленіями въ качествѣ апелляціонныхъ инстанцій, въ судебныя палаты? Имѣются ли достаточныя основанія разсчитывать на судебныя палаты, какъ на хорошіе кассаціонные суды? Опытъ Закавказья даетъ полное основаніе довѣрять судебнымъ палатамъ. «Лица, близко стоявшія къ тифлисской палатѣ», заявляли сенатору фонъ-Гильденбандту, что «при ревизіи бывшимъ министромъ юстиціи Манассеинымъ никакихъ замѣчаній по поводу кассаціоннаго производства ея сдѣлано не было» (Ibidem, стр. 165). Автору настоящей статьи тоже приходилось слышать отъ компетентныхъ лицъ, что кассаціонное производство поставлено тамъ весьма удовлетворительно. Это подтверждается, наконецъ, отзывами двухъ лицъ, близко стоящихъ къ этому дѣлу, изъ числа принимавшихъ участіе въ совѣщаніяхъ старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ палатъ (*Труды*, стр. 71); по ихъ указаніямъ «противорѣчій въ кассаціонныхъ рѣшеніяхъ ея *не встрѣчается*», такъ какъ для ихъ устраненія дѣла уголовныя «докладываются всегда однимъ и тѣмъ же членомъ палаты, а гражданскія, хотя и нѣсколькими членами, но подъ общимъ наблюденіемъ и руководствомъ одного изъ предсѣдателей департаментовъ палаты». Если бы, наконецъ, эти указанія подтвердились ревизіей тифлисской палаты, произведенной А. Ф. Кони весной 1895 г., то рѣшеніе вопроса было бы внѣ всякаго спора. Съ осуществленіемъ проектируемаго дробленія кассаціонныхъ функцій сенатъ не былъ бы заваленъ множествомъ маловажныхъ дѣлъ, ему не пришлось бы работать съ тою лихорадочною поспѣшностью, съ которой ему приходится трудиться теперь, и пришлось бы работать въ еще большей степени въ томъ случаѣ, еслибъ ему подчинили кассаціонное производство по дѣламъ участковыхъ судей. И только съ передачей этихъ дѣлъ судебнымъ палатамъ сенатъ могъ бы выполнить то, чего требовалъ отъ него въ 1874 г. государственный совѣтъ, именно—«сосредоточить все свое вниманіе на вопросахъ, по важности своей заслуживающихъ всесторонняго его разсмотрѣнія» (*Матеріалы*, т. III, стр. 164). *Никакой опасности разнорѣчія между*

кассаціонными разъясненіями сената и палатъ не будетъ, такъ какъ мы предполагаемъ полную возможность сохраненія за сенатомъ высшаго надзора за правильностью хода судебной дѣятельности во всей Имперіи. Объединеніе кассаціонной дѣятельности палатъ и сената достигнется безъ труда, если первыя будутъ руководствоваться послѣдовавшими уже со стороны сената указаніями въ разъясненіе истиннаго смысла закона, и *если,* кромѣ того: 1) *всѣ вопросы, еще не разрѣшенные практикой сената, будутъ предлагаться на его обсужденіе по предложеніямъ министра юстиціи,* 2) *и по представленіямъ самихъ судебныхъ палатъ* (см. *Труды*, т. I, стр. 72). По отношенію къ мировымъ и общимъ судамъ первый порядокъ примѣнялся съ успѣхомъ съ 1877 года, новизною былъ бы лишь второй порядокъ, но введеніе его, поставивъ кассаціонное производство палатъ подъ непосредственный контроль сената, уничтожило бы всякую опасность разнорѣчій въ рѣшеніяхъ сената и палатъ. Судебныхъ палатъ будетъ въ имперіи *немного*, слѣдовательно, нѣтъ и опасности, происходящей отъ множества кассаціонныхъ судилищъ (наприм., отъ 36 губернскихъ присутствій); составъ ихъ,—изъ опытныхъ и просвѣщенныхъ судей (юристовъ),—гарантируетъ серьезное ихъ отношеніе къ кассаціоннымъ функціямъ и доброкачественность рѣшеній; передача кассаціонныхъ функцій палатамъ приблизитъ и высшій судъ къ населенію по очень многимъ дѣламъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не настолько, чтобъ явилось опасеніе возможности подпаденія его разнымъ мѣстнымъ вліяніямъ. Не лишено, наконецъ, справедливости и то замѣчаніе (*Матеріалы*, т. II, стр. 165—166), что въ палатахъ, занимающихся исключительно дѣлами своего округа, легче образуются (по гражданскимъ дѣламъ) спеціалисты по части мѣстныхъ законовъ и порядковъ, нежели въ сенатѣ, гдѣ такіе спеціалисты—исключеніе, при случайномъ назначеніи сенаторомъ того или другого дѣятеля данной мѣстности. Нельзя отрицать, что народъ видитъ въ сенатѣ охранителя нелицепріятной правды и законности. Но народъ: 1) привыкъ уже къ тому, что далеко не всякое дѣло восходитъ до сената, къ этому пріучила его еще кассаціонная практика мировыхъ съѣздовъ; 2) по важнымъ дѣламъ доступъ въ сенатъ останется открытымъ, и 3) особая вѣра народа въ сенатъ имѣетъ большое историческое значеніе, такъ какъ до реформы 1864 г. дѣла разбирались въ сенатѣ по существу, а съ 1864 г.—лишь въ кассаціонномъ порядкѣ, существо же послѣдняго *мало постигается* нашимъ народомъ, которому доступна и въ глазахъ котораго популярна идея перевершенія сенатомъ приговора по существу, а не строго-формальная идея кассаціи. Нельзя, наконецъ, оспаривать и того, что вѣрность и важность кассаціонныхъ вопросовъ—внѣ всякой зависимости отъ подвѣдомственности дѣла тому или другому судебному установленію. *Но если такіе вопросы—новы или спорны, то они и будутъ разрѣшены сенатомъ же* однимъ изъ вышеуказанныхъ нами двухъ способовъ. И что̀ бы ни говорили, но процессъ уголовный и гражданскій всюду построенъ такъ, что дѣла болѣе важныя имѣютъ механизмъ производства болѣе сложный и гарантіи для сторонъ

бо́льшія, нежели процессъ по дѣламъ меньшей важности, которыя требуютъ возможно скораго, дешеваго и близкаго суда. Если же стать на оспариваемую нами точку зрѣнія, то надлежитъ съ неумолимою послѣдовательностью всякія, самыя мелочныя дѣла возводить на кассаціонное разсмотрѣніе единаго суда (сената). Но такого порядка нѣтъ и не было даже въ Судебныхъ Уставахъ первой редакціи.

§ 6.

Для хорошей организаціи суда необходимо еще, чтобы судьи пользовались независимостью, авторитетнымъ положеніемъ въ служебной іерархіи и въ обществѣ, и, наконецъ, вполнѣ достаточнымъ матеріальнымъ обезпеченіемъ какъ при жизни, такъ и на случай выхода въ отставку, а на случай смерти судьи должны быть приняты мѣры для обезпеченія семьи умершаго. Изложенныхъ вопросовъ мы коснемся здѣсь въ самыхъ лишь общихъ чертахъ. *Независимость судьи обезпечивается*, между прочимъ, и такъ называемою *несмѣняемостью*. Вопросъ о ней, къ сожалѣнію, не былъ ни поставленъ, ни обсуждаемъ на совѣщаніи старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ палатъ; насколько слышно, онъ не былъ обсуждаемъ еще и во II отдѣлѣ коммиссіи, вѣдающемъ судоустройство. Было бы весьма интересно знать мнѣнія о началѣ несмѣняемости высшихъ представителей магистратуры и прокуратуры десяти судебныхъ округовъ, которымъ столь хорошо извѣстны какъ практическое осуществленіе основныхъ принциповъ Судебныхъ Уставовъ, такъ и различныя потребности и условія, измѣнившіяся или вновь народившіяся со времени введенія Судебныхъ Уставовъ, которыя могли бы дать ключъ къ рѣшенію этого вопроса. Мы лично совершенно убѣждены въ справедливости и цѣлесообразности, мало того,—въ безусловной необходимости возможно полнаго проведенія въ судоустройство начала судейской несмѣняемости, безъ котораго не мыслимы ни независимость и авторитетъ суда, ни правильное и нелицепріятное отправленіе правосудія. Современное судоустройство виднѣйшихъ западно-европейскихъ державъ всецѣло построено на этомъ началѣ, которое *фактически* существуетъ и въ Англіи. Нашъ русскій опытъ тоже доказалъ, что злоупотребленія имъ, конечно, бывали; но *всѣ они—явленія исключительныя и весьма рѣдкія*, если принять въ соображеніе количество лицъ, пользовавшихся несмѣняемостью, и продолжительность примѣненія этого принципа (30 лѣтъ). Лучшій же способъ для полнаго устраненія или для низведенія до минимума возможныхъ злоупотребленій имъ заключается согласно указаніямъ того же опыта, въ крайней осторожности, которую должно практиковать при избраніи кандидатовъ для назначенія на судейскія мѣста. Наконецъ, польза отъ несмѣняемости для самого государства и для лицъ, обращающихся къ суду, настолько велика, что небольшое число неподходящихъ лицъ, проникшихъ на судейскія мѣста и не могущихъ быть «сдвинутыми» съ нихъ ни прямо, ни косвенно, принесутъ всегда вреда неизмѣримо меньше противъ

гого зла, которое водворилось бы во всемъ ходѣ правосудія, какъ скоро судьи сдѣлались бы смѣняемыми, т.-е. зависимыми и заискивающими, а, слѣдовательно, неавторитетными и способными къ лицепріятію.

Въ установленіи такъ называемаго «предѣльнаго возраста» для судебной службы усматриваютъ нѣкоторый коррелативъ началу несмѣняемости. Вопросъ о предѣльномъ возрастѣ, разрѣшенный отрицательно судебными уставами, вновь возбуждался въ проектахъ бывшаго министра юстиціи И. А. Манассеина (въ 1888 и 1890 гг.), восходившихъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Предположенія бывшаго министра юстиціи сводились къ тому, чтобъ обязать должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства оставить службу по достиженіи ими возрастовъ: предсѣдателями судебныхъ мѣстъ—65 лѣтъ, членами же палатъ, товарищами предсѣдателя и членами окружныхъ судовъ и старшими нотаріусами—55 лѣтъ; но министру юстиціи предоставлялось право испрашивать высочайшее разрѣшеніе,—каждый разъ на три года,—на продолженіе службы тѣхъ изъ достигшихъ «предѣльнаго возраста», относительно которыхъ онъ «признаетъ это для пользы службы необходимымъ» (*Труды*, т. I, стр. 295—296). Въ *государственномъ совѣтѣ не было*,—по крайней мѣрѣ, со стороны большинства,—*принципіальныхъ возраженій противъ «предѣльнаго возраста»*, но было предложено лишь измѣнить самые предѣлы его (отъ 65 до 70 лѣтъ), съ чѣмъ согласился и бывшій министръ юстиціи (ibidem). Кромѣ того, государственный совѣтъ поднялъ вопросъ, совершенно не затронутый въ проектахъ, о матеріальномъ обезпеченіи членовъ судебнаго вѣдомства, оставляющихъ службу за достиженіемъ предѣльнаго возраста и объ источникѣ сего обезпеченія. На совѣщаніи старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ (*Труды*, т. I, стр. 220—311) «предѣльный возрастъ» подвергался обсужденію, и *громадное большинство* (17 человѣкъ) *высказалось въ пользу принятія означенной мѣры, и лишь трое высказались рѣшительно противъ нея*: находили эту мѣру несправедливою и вредную по существу и нецѣлесообразною, такъ какъ она «не будетъ въ силахъ устранить изъ состава служащихъ непригодные къ судебной службѣ элементы» (ibidem, стр. 311). Замѣтимъ, что наиболѣе талантливо и сильно развилъ доводы противниковъ А. Ф. Кони (ibidem, стр. 304—308; см. и спец. статью его о томъ же въ *Журналѣ Минист Юстиціи*), встрѣтившій энергичную поддержку и въ другомъ извѣстномъ юристѣ (ibidem, стр. 308). Во всякомъ случаѣ и *большинство соглашалось допустить «предѣльный возрастъ» скорѣе какъ крайнюю мѣру; многіе обставляли ея примѣненіе различными, очень серьезными ограниченіями и условіями*. Извѣстно, что во Франціи и Бельгіи существуетъ предѣльный возрастъ для судей, но еслибъ рѣшились ввести его у насъ, въ качествѣ коррективa къ началу несмѣняемости, то необходимо, во всякомъ случаѣ, осуществить нѣсколько условій, безъ которыхъ установленіе предѣльнаго возраста явится уже совершенно нетерпимою, вопіющею несправедливостью, гибельною для судебнаго вѣдомства: 1) Возрастные сроки надо повысить (до 65—70 лѣтъ). 2) Необ-

ходимо предоставить общимъ собраніямъ судовъ право, по выслушаніи заключенія прокурорскаго надзора, ходатайствовать чрезъ г. министра юстиціи предъ верховною властью объ оставленіи на службѣ (на 5 лѣтъ) тѣхъ изъ достигшихъ предѣльнаго возраста, которые, по мнѣнію суда, способны еще продолжать службу съ пользою для дѣла. Самъ судъ, на мѣстѣ, лучше знаетъ—кто еще можетъ работать и какъ велика его рабочая сила, опытъ, запасъ знаній и нравственнаго вліянія на коллегію; сами члены суда непосредственно заинтересованы въ томъ, чтобы не возлагать на отдѣльныхъ членовъ работу непосильную, которую пришлось бы нести способнымъ и работящимъ взамѣнъ одряхлѣвшихъ и облѣнившихся: никто себѣ не врагъ, и коллегія не такъ-то легко согласится на оставленіе на службѣ безполезнаго члена. 3) Надлежитъ понизить сроки службы въ судебномъ вѣдомствѣ на выслугу пенсіи, уравнявъ ихъ съ сроками ученой службы, т.-е. 30 лѣтъ для полной пенсіи и 25 лѣтъ для $^4/_5$ всего пенсіоннаго оклада. 4) Самыя пенсіи (съ эмеритурою) надо значительно увеличить. Судебная служба очень тяжела, скоро истощаетъ физическое здоровье и умственную бодрость; *она*, по нашему убѣжденію, *ничуть не легче, а даже труднѣе профессорской* потому уже, что преподаватели университетовъ имѣютъ продолжительные каникулы зимніе и лѣтніе (втрое болѣе продолжительные, чѣмъ въ судебномъ вѣдомствѣ) и строго размѣренныя, правильно распредѣленныя служебныя занятія, о которыхъ не смѣютъ и мечтать чины судебнаго вѣдомства, нерѣдко засѣдающіе съ ранняго утра до глубокой ночи, по нѣсколько дней подрядъ, при громадномъ сосредоточеніи вниманія и сквернѣйшихъ условіяхъ.

II. Авторитетъ судебнаго персонала создается прежде всего внутренними его качествами—нравственными и умственными, т.-е. «величіемъ душевнымъ, добротою нравовъ и высокимъ умственнымъ цензомъ». *Но для среднихъ людей-судей*, лишь приближающихся къ полнотѣ этого идеала, *необходимо*, особенно въ виду русскихъ служебныхъ традицій и склада нашей общественной жизни, и *внѣшнее авторитетное положеніе*, т.-е. *достаточно высокая постановка ихъ должности въ служебной іерархіи*. Въ виду сказаннаго, мы не можемъ сочувствовать предположенію о присвоеніи должности участковаго судьи лишь VI класса. Если такой классъ должности былъ достаточенъ для земскихъ начальниковъ съ ихъ зависимымъ, подчиненнымъ положеніемъ и сравнительно ограниченною компетенціею, съ ихъ «среднимъ» (даже «низшимъ») образованіемъ (да и то серьезно поговаривали о возведеніи ихъ въ V классъ), то онъ совершенно недостаточенъ для участковыхъ судей: значеніе и преимущества ихъ должностей необходимо повысить уже для того, чтобы привлечь на нихъ контингентъ лицъ болѣе высокаго уровня. Справедливо указывали на совѣщаніи (*Труды*, стр. 43), что предположенія нѣкоторыхъ схемъ въ указанномъ отношеніи непослѣдовательны, такъ какъ значительно расширяютъ компетенцію участковыхъ судей по судебнымъ дѣламъ, но въ то же время понижаютъ значеніе этой должности, переводя ее изъ V класса (мировые

судьи) въ VI. Замѣтимъ еще, что мировые судьи были лишь съ среднимъ образованіемъ, съ меньшею подвѣдомственностью; на какомъ же основаніи разжалывать и понижать должности, на которыхъ будутъ сидѣть судьи-юристы, съ расширенною подвѣдомственностью? Никто не удивлялся тому, что мировые судьи были въ V классѣ наравнѣ съ членами окружнаго суда и судебной палаты, ничему и никому ихъ V классъ не вредилъ, членовъ суда и палаты не унижалъ,—на какомъ же основаніи ожидать чего-либо противнаго при назначеніи V класса должности для участковыхъ судей?

III. Вопросомъ первой важности при проведеніи реформы является также матеріальное обезпеченіе должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства, безъ котораго немыслимы ни авторитетъ и независимость магистратуры, ни даже самая возможность найти достаточное число кандидатовъ на прочное замѣщеніе должностей по судебному вѣдомству. Потребность въ достаточномъ матеріальномъ обезпеченіи скажется въ особенности при назначеніи на должности участковыхъ судей. Предположенный въ одной изъ схемъ *окладъ* (въ 2 тыс. рублей) и *намъ представляется вполнѣ недостаточнымъ*. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что мировые судьи, получавшіе въ уѣздахъ кругомъ отъ 1,500—2,000 руб. жалованья (исключимъ канцелярскіе расходы) и земскіе начальники—2,200 руб. (за вычетомъ канцелярскихъ и разъѣздныхъ остается тоже 1,500 руб.) были: первые—всегда мѣстные люди (помѣщики, домовладѣльцы и проч. собственники), а вторые—нерѣдко исходятъ изъ мѣстныхъ же, болѣе или менѣе обезпеченныхъ, обывателей, для которыхъ получаемое содержаніе часто служило лишь подспорьемъ къ инымъ источникамъ дохода. Въ иномъ положеніи будутъ судьи участковые: мѣстными обывателями и притомъ богатыми или зажиточными они будутъ лишь *по исключенію*; чаще всего эти должности будутъ замѣщаться со стороны, лицами, чуждыми данной мѣстности, которымъ необходимо въ участкѣ платить за квартиру и за все рѣшительно. При этихъ условіяхъ—2,000 р.—окладъ незначительный и, при многихъ неудобствахъ уѣздной жизни, особливо въ селахъ и деревняхъ, интеллигентный человѣкъ не пойдетъ охотно въ уѣздъ на столь малое содержаніе или же постарается поскорѣе «сбѣжать» изъ него, т.-е. должность участковаго судьи не будетъ замѣщаться достаточно прочно, а это не можетъ входить въ разсчеты законодателя. На это обращено было вниманіе и на совѣщаніи (*Труды*, стр. 43 и особенно стр. 90—103), на которомъ *большинство высказалось за установленіе для участковаго судьи оклада въ 2,400 руб., съ увеличеніемъ его періодическими прибавками до 3,000 руб.*, а въ случаѣ, если такихъ прибавокъ не будетъ, за постоянный окладъ въ 3,000 руб. сер. При такомъ окладѣ многіе пойдутъ въ уѣздъ охотно и не будутъ стараться какъ можно скорѣе сбѣжать оттуда. Вообще, *содержаніе всѣхъ членовъ судебнаго вѣдомства—больное мѣсто нынѣшняго судопроизводства*, требующее серьезнаго вниманія и исправленія при предстоящей реформѣ. Вопросъ объ окладахъ содержанія, недостаточность которыхъ—общепризнанное печальное явленіе, обстоятельно обсуждался все на томъ же совѣщаніи (*Труды*,

т. I, стр. 89—103). Высказано очень много разнообразнѣйшихъ мнѣній по разнымъ частнымъ вопросамъ (резюме этихъ мнѣній—ibidem, стр. 102—103). Наиболѣе правильнымъ представляется намъ такое рѣшеніе: всѣ чины судебнаго вѣдомства безъ исключенія—отъ канцелярскихъ до гг. сенаторовъ—нуждаются въ увеличеніи окладовъ, причемъ *справедливѣе было бы, увеличивъ нѣсколько основной окладъ* (minim'альный), *ввести періодическія (черезъ каждыя 5 лѣтъ) прибавки* для лицъ, состоящихъ на той же должности и не получившихъ повышенія. Такая система: 1) примирила бы ихъ съ продолжительнымъ сидѣньемъ на одномъ мѣстѣ, 2) уменьшила бы карьеризмъ и искательство перевода и повышеній à tout prix, 3) укрѣпила бы многихъ полезныхъ дѣятелей на мѣстахъ, 4) обезпечила бы матеріальное положеніе персонала, нынѣ весьма бѣдствующаго при отсутствіи повышенія. Но такъ какъ введеніе этой системы обойдется дорого государственному казначейству, то придется уменьшить тяжесть ея для фиска усиленіемъ окладовъ и введеніемъ періодическихъ прибавокъ или, по крайней мѣрѣ, однимъ увеличеніемъ первыхъ для тѣхъ изъ служащихъ, которые наиболѣе нуждаются въ этомъ и несутъ притомъ трудныя и отвѣтственныя обязанности. *Таковы*, вообще, *всѣ тѣ, которые получаютъ теперь менѣе 3—3$^1/_2$ тыс. содержанія*; сюда войдутъ, слѣдовательно, судебные слѣдователи, члены окружнаго суда и товарищи прокурора, т.-е. истые труженики, живущіе прямо-таки въ проголодь и умирающіе чаще всего нищими. И на такую, болѣе скромную реформу въ окладахъ придется отпустить изрядную добавочную сумму въ бюджетъ министерства юстиціи. Но да не остановится передъ этимъ законодатель! Сторицею вернется ему и всему русскому обществу это увеличеніе окладовъ! Вообще же мы думаемъ, что предположенная реформа потребуетъ, какъ бы ни сокращали расхода и ни урѣзывали оклада, значительнаго увеличенія штатной суммы, отпускаемой въ настоящее время на содержаніе личнаго состава судебнаго вѣдомства.

В. Даневскій.
